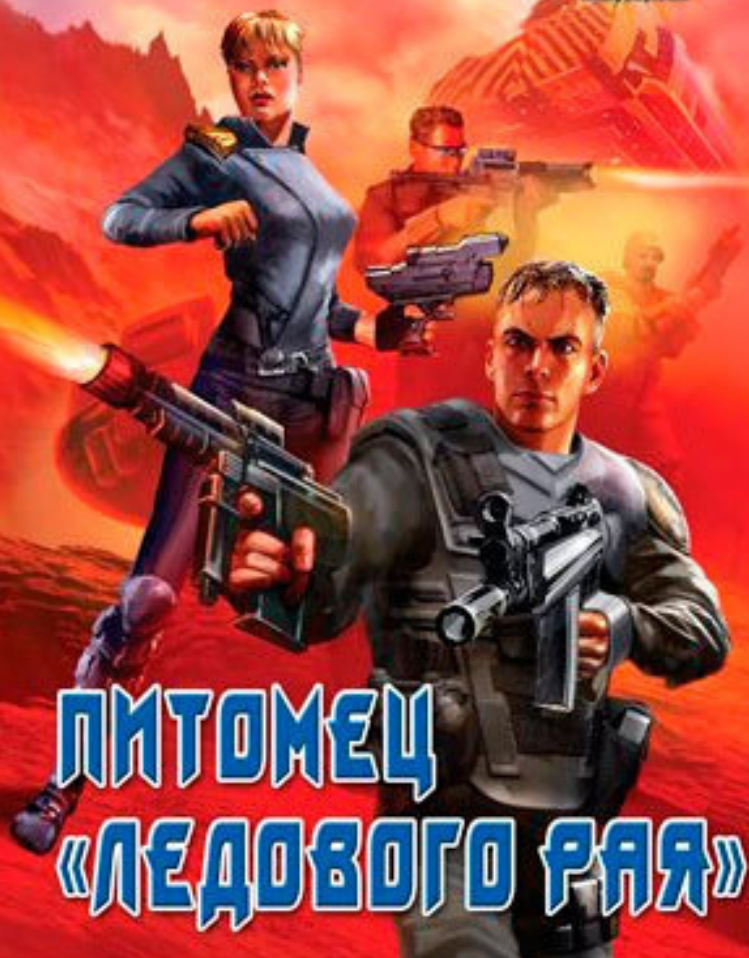

НИКОЛАЙ РОМАНОВ

ПИТОМЕЦ
«ЛЕДОВОГО РАЯ»

Николай Романов
Питомец «Ледового рая»
Серия «Экспансия», книга 1

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137586
Питомец «Ледового рая»: Лениздат; 2006
ISBN 5-289-02257-0

Аннотация

Роман «Питомец “Ледового рая”» открывает сериал «Экспансия», рассказывающий о страшной войне, которая разворачивается на границах освоенного земным человечеством пространства.

Не знал будущий десантник Кирилл Кентаринов, курсант учебного лагеря Галактического Корпуса, что еще до окончания учебы ему придется сойтись в смертельной схватке с врагом...

Содержание

1	4
2	13
3	22
4	28
5	34
6	38
7	46
8	53
9	64
10	74
11	79
12	83
13	89
14	93
15	99
16	104
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Николай РОМАНОВ

ПИТОМЕЦ

«ЛЕДОВОГО РАЯ»

*Нет лучшего на свете приключения,
Чем пережить больному курс лечения.
Из фольклора медиков Галактического Корпуса*

*Рви сопло или не рви —
Лишь пистоны от любви.
Триконка Кирилла Кентаринова*

1

Смех родился, как утро на Луне – в одной точке, – и побежал расходящимися волнами по всему столовняку, открытый, радостный и звучный. Смеющиеся не сдерживались. Тут же над столами прокатилась еще одна волна – одинаковых движений. Еще не закончившие обед курсанты, оторвавшись от тарелок, поворачивали стриженные репы в сторону умывалки, но за спинами сгрудившихся у дверей товарищей, разумеется, ничего не было видно. А хохот разрастался, будто снежная лавина.

– Над чем они гогочут? – вскинулась Ксанка, откладывая

вилку.

– Я не в теме, – с привычной готовностью ответил Артем.

С некоторых пор любой Ксанкин вопрос сделался для него приказом к немедленному изложению ответа. Даже если ответа не было...

Кирилл же, подбирая корочкой хлеба остатки гуляшной подливки, лишь плечами пожал.

«Эти вкусные мясные кусочки в соусе...» – вспомнил он слоган модного в последнюю декаду рекламного клипа и хмыкнул. Почти про курсантов ГК...

– Я слетаю, посмотрю? – спросил Артем, по-прежнему глядя на Ксанку.

– На активный выхлоп, Спирюшка, – сказала та, снова берясь за вилку. – Народ ведь мимо мишеней ржать не станет.

Артем вскочил и кинулся к умывалке.

Кирилл посмотрел ему вслед и подумал, что Спиря без одобрения Ксанки шагу не ступит. Надо полагать, втюрился в метелку по самые локаторы!..

– Ты сегодня опять какой-то душный, Кир, – сказала Ксанка, поворачиваясь.

– Душный не бездушный. – Кирилл вновь пожал плечами. – Война – муйня, главное маневры.

– Его дерьмочество достало? – тон Ксанки сделался участливым.

Его дерьмочество и в самом деле достало. Вчера вечером перед отбоем опять к себе вызывало. Воспитывало. «Боец

ГК, курсант, должен быть добрым по отношению к товарищам, а вы как крыса корабельная...»

И где это капрал на кораблях крыс видел? Их, говорят, давно на жарчку пустили, в котлы ГК...

Да уж, достало Его дерьмочество!.. Но не хватало еще Кириллу метёлкиной жалости!..

– Все в зените, Ксана, не срывай сопло! – Он постарался, чтобы в голос не пробились охватившая душу злоба. – Я башни не теряю.

Ксанка кивнула, будто соглашалась неведомо с чем. Разве лишь с самой собой. Потому что все Кирилловы намеки всегда пролетали мимо ее ушей.

Вот и сейчас – наколола на вилку кусок мяса и трескает как ни в чем ни бывало.

Вернулся Артем:

– Там наш неведомый Пушкин свою очередную «гмыровиршу» вывесил.

Кирилл повернул голову в его сторону:

– Ну и как?

– Задом об косяк! – Артем кусал губы, изо всех сил пытаясь не рассмеяться. – Естественно, про Дога и по-прежнему в точку. Короче, сами прочтете!

Доедали завтрак под продолжавшийся смех народа.

Кирилл не отрывал глаз от тарелки, но чувствовал, что Ксанка то и дело принимается изучать его физиономию, и хмурился.

Ну что ей, в конце концов, от него надо? Хотя бы поесть спокойно дала, метла безбашенная!.. Верно говорит прапор Оженков – если баба стреляет в тебя из парализатора, это одно, а если глазками, это совсем другое... Ей надо. И всему миру известно – что!

Наконец было покончено со знаменитой последней частью кулинарного «галактического корпуса» – компотом, – и троица, оставив стаканы и сыто отдуваясь, поднялась из-за стола.

– Ну что, заценим? – Ксанка опять пялилась на Кирилла. Тот снова пожал плечами, но двинулся к умывалке. Честно говоря, он бы хоть к дьяволу отправился, лишь бы метелка не смотрела на него вот так, с недоверчивым ожиданием. Будто он ей чем-то обязан или что-то обещал...

Артем пошел следом за ними, он хоть и увидел уже эту виршу, но ему очень хотелось понаблюдать за реакцией друзей. Особенно, разумеется, – за реакцией Ксанки...

Столпотворение иссиня-черных мундиров перед умывалкой закончилось, и троица вошла внутрь без толкотни.

Триконка висела так, что ее многочисленные отражения в зеркалах создавали бесконечную цепочку переливающихся четырехстрочий:

Ротный Гмырюшка-капрал
Вот что отчебучил!..
Когда ванну принимал,
Телочку отдрючил.

Последняя строчка звучала для постороннего уха очень странно. Такие выражения любил Артем – он вообще увлекался старинными русскими словечками, время от времени пытаясь перевести их на инглиш и теряя при переводе всю смысловую прелесть, – но Артему ни в жизнь не создать такой триконки. Впрочем, подобное выражение мог использовать всякий, кто был знаком с Артемом Спиридоновым и русским языком, а таких в «Ледовом раю» – пруд пруди, как опять же говаривал Артем...

– И кого же это он, интересно, отдрючил? – тут же спросила Ксанка.

– А ты разве не в теме?! – удивился Артем. – Да Сандру же Каблукову!

Ксанка смерила его взглядом и фыркнула:

– Неужели, Артюшенька, она тебе сама об этом трепанула?

– Нет, конечно... Но ведь все в теме, Заича! Весь взвод...

– Рота, смир-р-на-а!!! – раздался сзади громовой бас.

– Ну вот, здрас-с-сьте, вы не ждавши, а мы притопамши... – тихо пробормотала Ксанка.

В столовую собственной персоной ввалился господин ротный капрал Гмыря, он же Димитриадий Олегович, он же Дог, он же Его дерьмочество... Ростом под два с половиной метра; как в старину говорили – косая сажень промежду плеч; бритый череп похож на гигантскую коленку, а иссиня-чер-

ный китель сидит на нем как влитой...

Курсанты мгновенно застыли по стойке «смирно» – каблуки армейских ботинок вместе, носки врозь, лапё по швам, грудь колесом.

Гмыря уже знал о происшествии, поскольку проследовал прямым курсом в умывалку, медленно ознакомился с мерцающей триконкой, недовольно хрюкнул, будто кабан перед кучей подгнивших желудей.

– И чьих же это ручонок дело, дамы и господа?

Гмыря всегда называл курсантское лапё ручонками.

Дамы и господа скромно помалкивали, поедая глазами пространство перед собой. Заметь Дог, что кто-то хотя бы скосил глаза в его сторону, наряда не миновать!

– Так чье же, мать вашу за локоток!

Молчание продолжалось.

Когда оно сделалось совсем тягостным, Гмыря достал из нагрудного кармана кителя магнитную стиралку.

Триконка перестала танцевать в воздухе и переливаться. А потом по умывалке разнесся горький плач смертельно обиженного ребенка.

Капрал едва стиралку не уронил.

– Дядя Гмыря, пощади, – сказал плаксиво чей-то гнусавый голос. – В карцер бяку посади.

Триконка оказалась очень даже непростой. Автор снабдил видеоформу акустическим сопровождением.

Опешивший поначалу капрал быстро разобрался в чем

дело. Поднял стиралку, оценил параметры стабилизирующего поля, коснулся сенсоров, изменяя уровни, и триконка прекратила гнусавить. А еще через пару секунд замерла, поблекла. И безвозвратно растаяла в воздухе.

Гмыря снова хрюкнул, на этот раз довольно (видно, желуди оказались свежее, чем он ожидал), и положил стиралку в карман. Подошел к Артему, внимательно изучил его лицо. Потом медленно, словно орудийная башня главного калибра, развернулся в сторону Кирилла. Внимательно изучил его физиономию.

Перебрался к Ксанке. Здесь процесс изучения принял более обширный и серьезный характер – после Ксанкиного лица Дог долго рассматривал ее шею, а потом и грудь, которая в силу естественных причин оказалась выпяченной куда больше, чем у парней.

Ксанка не выдержала пронизывающего взгляда, поежилась.

– Наряд вне очереди, дамочка! – тут же отозвался капрал. – Мне твои бабьи комплексы до фомальгаута! Здесь ты не женщина, курсант Заиченкова, а будущий боец Галактического Корпуса. И либо ты у меня по стойке «смирно» станешь стоять смирно, либо вылетишь в безмундирники! Ясно?

– Так точно, господин ротный капрал! – звонким голосом отозвалась Ксанка. – Есть наряд вне очереди, господин ротный капрал!

Дог снова принялся поедать глазами ее грудь, и Ксанка опять поежилась. Но ротный, похоже, уже удовлетворил начальственный зуд. Продолжения раздачи дополнительных нарядов не последовало, капрал выплыл из умывалки.

Ксанка тут же сторбилась и передернула плечами.

– С-сучина отстыкованный! – выругалась она шепотом.

Артем несмело погладил ее по плечу. Ксанку вновь передернуло.

А из столовой раздался новый рык Дога:

– Рота, стр-р-ройсь!

Троица выскочила из умывалки.

Еще не покинувшие столовую курсанты, оставив стаканы с недопитым компотом, неслись к фронту построения, который ротный капрал задавал отведенной в сторону левой рукой. Процесс затруднялся тем, что в столовке находилась не вся рота, и приходилось на ходу соображать, кто за кем должен стоять.

Покинутые столы и стулья тут же поглощали посуду и вливались в пол.

Наконец построение завершилось.

Капрал шагнул вперед, развернулся к курсантам лицом:

– Р-р-равняйся!

Кирилл повернул голову и уставился на грудь третьего справа. Вернее, на могучие груди третьей справа, потому что это была ефрейтор Сандра Каблукова, которую в роте называли не иначе как Громилышей.

– Сми-и-ирна-а!

Курсанты пронзили взглядами пространство перед собой.

Дог прошелся перед строем, переводя злобный взгляд с одного юного лица на другое.

– Вот что, мерзавцы, – сказал он. – Даю вам всем время до завтрашнего утреннего построения, мать вашу за локо-ток. Если к этому моменту вонючий стихоплёт... этот жалкий ублюдок... этот моральный диверсант... не явится ко мне с признанием, вы, дамы и господа, пожалеете, что ваши мамашки выпустили вас из своих детородных органов на свет божий. Можете передать мои слова отсутствующим. Всем всё ясно?

– Так точно, господин ротный капрал! – громыхнули дамы и господа.

Догу этот гром не приглянулся.

– Отставить, дамы и господа, почему не дружно?... Еще раз... Всем всё ясно?

– Так точно, господин ротный капрал!

У строя сейчас была самая настоящая единая глотка.

Но команда «Р-р-разойдись!» последовала только после пятого повтора.

После завтрака и обязательного перекура прапорщик Оженков повел свой взвод на занятия по стрелковому вооружению. Учебные планы предписывали изучение легкого вакуумного гранатомета «Комар-5у», хотя, по слухам, это оружие в первых боях разгорающейся войны пока не использовали. Хватало индивидуального трибэшника, как среди курсантов (да и не только курсантов) назывался БББ – бластер ближнего боя.

На учебу обычно шагали не в строю. Считалось, что при ходьбе вольно освобождается чувство фантазии, без которого на занятиях не обойтись. А строевой подготовки и так хватало.

По дороге Ксанка очутилась рядом с Кириллом (при ходьбе в строю она оказывалась далеко позади). Даже сигарета «Стрелец» не успокоила метелку – у той все еще дрожали губы от испытанного унижения.

Честно говоря, Кириллу было ее не слишком жалко – он всегда считал, что девахам не место в Галактическом Корпусе, но такое мнение было нарушением их гражданских прав, и он бы никогда не произнес этого вслух. Ксанка-то промолчит, но найдутся те, кто и в суд может подать за половую дискриминацию. Даже выраженную всего лишь словами... Впрочем, дискриминация тут только на словах и существует.

Все остальное в расчет не берется. Каждая из девиц (как и всякий из парней) при зачислении подписывала обязательство о полном подчинении вышестоящим начальникам. Поэтому теоретически Дог вполне мог стыковать их при индивидуальных раздачах наряда. Происходило ли это на практике, Кирилл не знал. Разумеется, никто из метелок распространяться об этом не станет. Дог спит и видит, чтобы выпереть их из Корпуса, он из тех, кто ни в коей мере не оправдывает всех этих нововведений. «Как будто Корпус не сможет справиться с Вторжением без бабья!»... Кирилл не раз слышал, как Гмыря произносит эту фразу. Презрительно, с брезгливой усмешкой...

Гмыре вообще многое из происходящего не нравилось. Однажды Кирилл отбывал наряд, убирая кабинет ротного (для таких дел вроде бы существовали киберы, но их никто днем с огнем не видел – они якобы находились на профилактике; да и зачем они, если курсантов надо чем-то занимать?), и слышал, как тот разговаривал по видеопласту с кем-то из своих приятелей-капралов. И оба долбали нововведения в хвост и в гриву, как по-старинному выражался Спира.

Раньше бабье и на пушечный выстрел к Корпусу не подпускали, а теперь каждый третий курсант в строю с оттопырками как спереди, так и сзади... Раньше колеса давали курсантам, чтобы не хотели, а теперь курсанткам, чтобы не залетели... У начальства совсем башни с курса свернуло... Слава Единому, удалось отстоять порядок, чтобы никаких откры-

тых любовных интрижек не было, а то ведь по плацу в обнимку ходить начнут или среди бела дня тискать друг друга... Не-е, друг мой, куда-то не туда мы катимся, скоро над Корпусом вся Галактика смеяться будет... Помяни мое слово, бабье погубит Корпус! Вот кто настоящие монстры...

– Правильно про него вирши сочиняют! – нарушила, наконец, молчание Ксанка. – С-сучина отстыкованный!

– Не поджаривай ботву! – сказал Кирилл, чтобы хоть что-то сказать. – Другие капралы ничем не лучше нашего, уж поверь мне.

Справа, у входа в имитаторный класс, висела триконка «Курсанты и курсантки! Равнение на флаг! Неугомонный, хваткий, не дремлет всюду враг!»

Спиря утверждал, что сочинитель использовал строки старинного русского поэта по имени Блок.

Такие пропагандистские триконки парили повсюду. Над входом в спортивный зал нависала пятиметровая оранжевая «ГК – это сила и мужество!» Возле столовой («ГК – это гуляш и компот!») – сказал как-то Спиря фразу, ставшую в «Ледовом раю» знаменитой), во всю стену, алая «Вступив в наши ряды, ты обретешь славную судьбу». А над табличкой «Капральская. Курсантам без вызова вход запрещен» совсем скромная «ГК – наш могучий щит». Последняя была сиреневой. Видимо, у лагерного дизайнера враги ассоциировались с сиреневым цветом. Хотя в имитаторном классе монстры-ксены в основном были зелеными, под цвет листвы, ли-

бо желтыми, под цвет песка.

– Интересно, кто такие курсанты с вызовом, – сказал Кирилл.

– Чего? – не въехала Ксанка.

Кирилл кивнул на табличку:

– Раз существуют курсанты без вызова, то должны быть и с вызовом.

До Ксанки, наконец, допёрло, и она невесело усмехнулась.

Самая большая триконка висела над штабом. На ней был изображен курсант в полевой форме и боевом шлеме с трибэшником в лапах, обладатель узкой талии и широченных плеч, которые могли принадлежать как обрезку, так и метелке.

Однако главным на триконке был вовсе не курсант, главное находилось слева от него и занимало большую часть видеоформы:

Законы курсантов учебного лагеря Галактического Корпуса

Курсант – честный и верный товарищ, всегда смело стоящий за правду

Курсант предан Земле, Человечеству и делу Галактического Корпуса

Курсант равняется на отличников учебы и боевой подготовки

Курсант готовится стать бойцом Галактического

Корпуса

Курсант готовится стать защитником Человечества

Курсант готов грудью защитить боевого товарища

Курсант терпелив и хладнокровен

Курсант чтит командиров

Курсант смел и отважен

Абрис строчек напоминал десантную баржу в поперечном разрезе.

Гигантская триконка была снабжена кольцевым транслятором, так что ее было видно с любой точки внутри Периметра.

«Дьявол и девять заповедей», – как-то сказал Спирия.

«Заповеди вижу, – сказал Кирилл. – А где дьявол?»

«А дьявол – тот, кто все это придумал».

Спирия был странный обреза.

Одним из нарядов для курсантского состава была подзарядка триконок-лозунгов на очередной срок действия. Хороший наряд, много приятнее уборки туалетов, что доставалась Кириллу пару раз... За пределами «Ледового рая» он бы произвел подзарядку триконок вдвое быстрее, чем большинство приятелей. Впрочем, логичнее было бы и вообще иметь самоподзаряжающиеся триконки с самыми примитивными фотоэлементами.

Но в лагере никому не требовались быстрота и логика, в лагере требовалось заполненное работой время. А несогласные с таким порядком могут топтать откуда пришли, на ваше

место, дамы и господа, желающие найдутся, мать вашу за локоток! Вы же попробуйте-ка на гражданке отыскать работу, за которую платят такие бабулики...

Подошли к учебному корпусу. Приказа «По классам» еще не было. Остались на улице, снова закурили.

– А интересно, – Ксанка заглянула Кириллу в лицо и покрутила в руках незажженную сигарету, словно не знала, что с ней делать, – кто вывешивает все эти вирши про Дога?

Кирилл дал ей прикурить и пожал плечами:

– Не в теме. Вообще-то многие из наших способны.

– Предыдущая вирша была покруче. – Ксанка затаилась, выпустила изо рта колечко дыма, потом фыркнула и продекламировала: – «У капрала Мити Гмыри между ног две круглых гири, перед гирями конец: голова – сплошной свинец». – Она опять фыркнула.

– Да, в точку придумали! – согласился Кирилл.

Триконку с этим стихотворением удалось вывесить на прошлой неделе прямо в имитаторном классе. Создать ее было гораздо сложнее, поскольку под строками висели и эти самые... гири и свинец. Нежно-розового сосисочного цвета. Правда, без акустического сопровождения, ибо это было бы уже слишком тяжеловесно...

– Над кем ржете? – Как обычно, стоило Ксанке приблизиться к Кириллу без общества Спири, рядом оказывалась Сандра Каблукова. – Над Гмырей?

– Над твоими мускулюс глютеус максимус¹, – ответила Ксанка самым своим ядовитым тоном (она перед тем, как собраться в лагерь, закончила курсы медицинских сестер и немного знала латынь). – Интересно, на каких тренажерах развиваешь?

Оказывается, в этих пределах знала латынь и Сандра, которая презрительно ухмыльнулась:

– А что, завидки девочку берут? На твои-то два кулачка ни у одного не поднимется! – Она мимоходом глянула на Кирилла: как тот оценил подколку?

Кирилл счел за лучшее не брать ни чью сторону и отвернулся.

Конечно, Сандра была не права: Ксанка была фигуристой метелкой, в ней всего в меру, в отличие от Громильши, отличающейся высоким ростом, широченными плечами и объемистыми буферами. Но высказать такое мнение значило подбросить хворосту в пламя разгорающегося конфликта. И так сверкающих глазами курсанток скоро придется растаскивать, а для Ксанки схватка с Громильшей запросто может закончиться госпитальной койкой.

Он же, Кирилл, будет выглядеть идиот идиотом...

Конфликт погасил Спира. Подлетел, схватил Ксанку за руку:

– Имей в виду, когда пойдешь к Догу за нарядом... Он может затащить в ванну и тебя!

¹ Musculusgluteusmaximus – большая ягодичная мышца (лат.).

– Ее не потащит, она в любой ванне утонет, – фыркнула Сандра, перестала играть желваками на щеках, пригладила ежик стриженных волос, выбросила сигарету в урну и величественно отправилась к входу в учебный корпус.

Ксанка отпихнула Артема, выпатив челюсть, посмотрела на Кирилла, но тот сделал вид, будто ищет кого-то, подчеркнуто повернувшись спиной к уходящей Сандре.

Честно говоря, его раздражало, что Артем так серьезно озабочен судьбой Ксанки. В принципе, конечно, Спирино беспокойство понятно, но метелка должна уметь сама за себя постоять. В конце концов, курсанты готовятся стать солдатами, и тут сопли ни к чему. Пристанет к тебе с принуждением ротный капрал, врежь ему в... эти самые гири. А потом подай рапорт вышестоящему начальнику. На приказы, с которыми не согласны, всегда подают рапорта. Правда, тут не приказ, а действие... Короче, сучка не захочет – кобелек не вскочит! А в общем, курсанткам прозас дают, что не залетели. Сам же стык мало чем отличен от танца. Просто трутся иными органами. И вообще, дамы и господа... Для капрала распластать метлу – что дать в лоб обрезку-курсанту. Это Галактический Корпус, а не детский сад, мать вашу за локо-ток!.. Но Артем, похоже, в последнее не въезжает. Потому и ходит вокруг Ксанки, как кот вокруг валерьяны. И хочется, и колется!.. Проще надо быть. Если деваха тебе не по барабану, дождись личного часа, заведи ее куда-нибудь в укромный уголок, прихвати за ананасы, стащи штаны и сделай так,

чтобы она не зря принимала прозас...

– Не пидай на зенит, а то в башне зазвенит! – сказала Ксанка Спире, выбросила окурок и нагнулась, поправляя магнитные застежки на ботинках.

Она плохо загорала, и околоштекерный пяточок над левым ухом казался немигающим птичьим глазом, удивленно впеврившимся в Кирилла. Другой, надо полагать, смотрел в песчаную дорожку, возле которой стояла урна.

– Я перед Догом в сучью стойку не встану, – добавила Ксанка, выпрямившись. – Не такой я паренек, Артюшенька! И Спиря засиял, будто внеочередное увольнение получил. А Кирилл еще больше обозлился.

Злоба в душе Кирилла Кентаринова жила сизмальства.

Скорее всего, потому что у него не было матери. Вернее, мама-то у него, ясно, имелась, да вот только он ее совершенно не помнил. Осталось лишь призрачное ощущение присутствия рядом чего-то огромного, мягкого и теплого. Чего-то хорошего и вкусного. Наверное, это была мама. То есть, конечно, это была мама! И, наверное, материнское молоко...

Чаще всего это ощущение приходило во сне. И всякий раз было тепло и мягко. А просыпался Кирилл с другим ощущением – гигантской, бесконечной, невыносимой потери. Эта потеря рождала жалость к самому себе, а жалость уже через несколько минут превращалась в злобу по отношению ко всему белому свету.

Кирилл не помнил не только маму. У него не отложился в памяти момент, когда его привезли (или привели?) в приют.

Первое воспоминание было уже в приютских стенах.

– Здравствуй, малыш! Как тебя зовут? – Певучий голос, в котором ничего нет, кроме радости.

– Кирилл.

– А меня Мама Зина. Я буду твоей воспитательницей. – Высокая женщина в белом платье (это потом Кирилл узнал, что такое платье называется халатом и его носят не только воспитательницы, но и врачи) протягивает новичку конфе-

ту. – На-ка!

Тот с восторгом, едва ли не притоптывая от нетерпения, разворачивает фантик, а внутри – ничего...

– Слишком уж ты доверчив, Килил, – говорит воспитательница, передразнивая.

Кирилл не понимает, что ей не понравилось, но не это его расстраивает.

Потом он и сам порой угощал подружек такими «конфетками» – корпорация «Невский завод», производящая джамперы для всей Солнечной системы, выпускала в помощь любителям нехитрых розыгрышей всякие штуковины с использованием формованных силовых полей.

Но тогда, при знакомстве с Мамой Зиной, он знать не знал о конфетах-пустышках. Фантик с медведем был так красив! А разочарование столь велико, что слезы сами брызнули из глаз.

– Э-э, да ты у нас, оказывается, плакса! – сказала Мама Зина осуждающим тоном. – Кто слишком часто слезы льет, тому Единый счастья не дает.

Обида тут же обратилась в злость на обидчицу, слезы мгновенно высохли, и это не укрылось от глаз опытной воспитательницы.

– Э-э, да ты, оказывается, еще и злючка. – Мама Зина покачала головой. – Ну, пойдем, я тебе покажу, где ты будешь спать. – Воспитательница протянула новичку мягкую руку.

Кирилл попытался укунить ее за палец, но Мама Зина бы-

ла наготове. Сильные пальцы стиснули щеку злочки словно клещами, и Кирилл едва не завопил от боли. Но не завопил – детский умишко каким-то образом сообразил, что лучше вытерпеть. И мальчишка вытерпел. Лишь зубами скрипнул.

– Терпеливый, крысеныш, – удовлетворенно сказала воспитательница.

Клещи отпустили щеку Кирилла.

И тогда он не выдержал – все-таки заплакал.

– К ма-а-а-ме хочу... К ма-а-а-ме...

– Не реветь, крысеныш! – скомандовала воспитательница. – Я теперь твоя мама. Я и Мама Ната. Не та мать, которая родила, а та, которая вырастила, – добавила она не очень понятную для Кирилла фразу.

Испуг прошел, мальчишка перестал плакать. Мама Зина взяла его за руку и повела по коридору со светло-зелеными стенами. Коридор был не очень длинным, и вскоре они оказались в комнате, где стены тоже были зелеными, но другого оттенка. В комнате стояло несколько маленьких кроваток – Кирилл тогда умел считать только до трех.

Мама Зина подвела его к одной из кроваток, в углу, застеленной зеленым же одеялом.

– Тут ты будешь спать. А сейчас пойдём знакомиться с другими детьми. Ты помнишь, как меня зовут?

Кирилл, само собой, помнил.

– Зина.

– Не Зина! – Пальцы-клещи угрожающе нависли над его

лицом. – Мама Зина... Так как же меня зовут?

– Зина!

– Ах ты маленький упрямец! – Воспитательница вновь стиснула его щеку, теперь другую, да так, что Кирилл взвизгнул:

– Не надо!

На этот раз слезы удалось сдержать; он и сам не понимал, каким образом, – просто не заплакал.

Воспитательница отпустила щеку и вновь спросила:

– Так как же меня зовут, крысеныш?

– Мама Зина, – вынужден был сказать Кирилл.

– Так-то, маленький упрямец. – Воспитательница снова взяла его за руку. – Пойдем знакомиться с детьми.

Кирилла привели в другую комнату, стены которой были окрашены в желтый цвет. И мальчишка увидел тех, с кем ему предстояло прожить следующие двенадцать лет. Правда, тогда он этого не знал. И совершенно не запомнил, как познакомился с Мамой Натой, хотя вскоре именно с нею в его мыслях ассоциировалось слово «мать».

Много позже он увидел голограмму своей настоящей матери. На могильной плите – когда Мама Зина сообщила крысенышу, где похоронены его родители. Кириллу было уже восемь. Он стоял перед могилой и, глядя на изображение женщины, запечатленное в триконке – красивое круглое лицо, улыбающиеся серые глаза, длиннющие, как вечерние тени, ресницы, ямочка на подбородке, – мысленно спрашивал:

«Почему же ты заболела? Почему так рано умерла?»

А потом Мама Зина объяснила Кириллу, что мать его умерла не от тяжелой продолжительной болезни, как ему говорили. Собственно, это и вовсе была не болезнь... Все очень просто: Екатерину Кентаринову прирезал кухонным лазерным ножом очередной сожитель, когда она в пьяном угаре приволокла в постель внеочередного. Именно так выразилась Мама Зина, и Кирюша возненавидел ее, и стала она впредь уже не Мамой, а Стервой Зиной, и в скукоженную душу приютского крысеныша влился еще один ручеек злобы...

В общем, злоба стала для мальчишки сродни детскому – острому и непреходящему – желанию играть. Кирилл всегда на кого-нибудь сердился. То на Жердяя Севку, бывшего тремя годами старше и до тех пор отбиравшего сладкое у воспитанников из младшей группы, пока они не научились съедать свою порцию за столом, а не уносить куски в карманах, хвастаясь, кто дольше вытерпит и не съест... То на Маму Зину и Маму Нату, когда они ставили Кирилла, не желающего произносить перед трапезой обязательную молитву Единому Богу, на колени, в Темный Угол, который отгородили в игровой, чтобы наказанному слышно было, как другие в это время играют. Или отправляли в карцер за то, что отметелил вечно дразнящегося Петьку-Мартышку... То на Доктора Айболита, которого на самом деле звали Сергеем Ивановичем Неламовым, за то, что он делал Кирюше больные уколы, когда тот простужался.

Именно Доктор Айболит сказал как-то, что «на сердитых воду возят», посоветовал держать злобу при себе и даже объяснил, как это сделать.

«Когда начинаешь злиться, — говорил он, — вспомни что-нибудь хорошее. Вкусную шоколадную конфету, которую дарит, навещая детей, патронесса приюта. Хорошую погоду, когда выпускают на улицу...»

Кирилл вспоминал. И поначалу злился. На вкусную конфету за то, что ее не было в кармане. На хорошую погоду, потому что она часто устанавливалась в те дни, когда надо учиться, и непременно портилась, когда приходил долгожданный выходной.

Тем не менее, в конце концов, он научился загонять злобу поглубже, откуда она не могла вырваться мгновенно и натворить дел, за которыми следовало неотвратимое наказание.

Доктор Айболит называл это аутогенной тренировкой и утверждал, что любой человек — хозяин своих чувств.

Именно Айболит первым посоветовал взрослеющему Кириллу Кентаринову пойти после приюта в Галактический Корпус.

Чтобы не злиться на Спирю, Кирилл прибегнул к аутогенной тренировке – вспомнил, какая физиономия была у Дога, когда тот стоял перед триконкой с гирями. Морда лица красная, кулаки сжимаются и разжимаются, разорвал бы автора, кабы в теме был – кто... Кишка тонка! А вот курсант Кентаринов, в отличие от ротного капрала Гмыри, в теме дальше некуда!

И весь остаток дня Кирилл раздумывал: стоит или не стоит идти к Догу. Едва сопло не рвал. И в конце концов решил: не стоит... Угрозы ротного могли быть пустым трепом, и хорош он, курсант Кентаринов, будет, если купится на такой летучий мусор! Вот если Гмыря и на самом деле начнет выделяться, тогда посмотрим. В конце концов оказаться крайним никогда не поздно. Ржавые пистоны никуда не убегут... А может, капраловы черные обещания – и вообще проверка боевого духа подчиненных. Мол, поглядим: не найдется ли среди личного состава мозглячок, который бросится стучать на товарищей из простой боязни обещанных с воспитательной целью придинок...

Не-е-е, капрал, нашего брата на такой мусор не заловишь! Стерва Зина, помнится, на полдня поставила его в Темный Угол, чтобы выяснить, кто узнал пароль и заказал по сетевому снабжению шоколад, вишневый сок и булочки со

сливками. Но ни Кирилл, ни Степка Яровой так и не признались. Это потом уже Степка проболтался, исключительно сдуру. Именно проболтался, а не признался. Слишком глупы они были, чтобы распознать хитроумную ловушку, когда Стерва Зина предложила решить задачку по режимам сетевого снабжения... Ведь ни Степке, ни Кириллу и в голову не пришло, что о режимах знают только те, кто пользовался приемным ресивером, а детей к ресиверам не подпускают. Кирилл бы тоже проболтался, но Стерва Зина задала Степке задачу раньше, а прочих, когда Степку словила, и проверять, дура, не стала. Степка проболтался в общем смысле – про Кирилла он ни слова не сказал...

И склониться сейчас перед Догом было все равно что выдать Степку. Но с другой стороны, ротный капрал мимо мишеней палить не будет – уж коли обещал курсантам ржавые пистоны, то за ним дело не станет...

В размышлениях прошли занятия по стрелковому вооружению и тактической подготовке. В размышлениях прошел обед и короткое послеобеденное личное время. В размышлениях прошли тренировки второй половины дня и строевые экзерсисы. Решая тактические задачи, поглощая наперченный борщ со сметаной и печатая строевой шаг на плацу, Кирилл ломал голову – ждать, пока неприятности обойдут тебя стороной, или идти им навстречу?

Оторвал парня от этих мучений вызов.

Кирилл сидел после ужина в курилке (внешне – вместе с

товарищами; внутренне – один на один с собственным «я»), когда рядом вспыхнул в воздухе видеопласт.

– Курсант Кентаринов! – В видеопласте появилось изображение прапора Оженкова.

В первый момент Кирилл потрянуло стрёмом, но потом он вспомнил, какой сегодня день, и успокоился: Оженков должен был вызвать его в любом случае. Иначе с какой стати курсанту заявляться к прапору без вызова?..

– Я! – Кирилл вскочил со скамейки и вытянулся.

– Ко мне!

– Есть.

«Ко мне» в данном случае означало «в комнату прапорщика». И вовсе не за ржавыми пистонами!

Кирилл едва не бежал по песчаной дорожке, и тени тянулись перед ним, как указующий дорогу перст. Ветерок шевелил листву платанов, высаженных вдоль дорожек. Душу снедало предвкушение. Не худшее чувство из тех, что существуют в жизни. И уж всяко много лучше того, что испытывает Спиря ко Ксанке, пропади она пропадом, в самом-то деле!..

Едва Кирилл приблизился к двери Оженкова, она приглашающе распахнулась. Кирилл вошел, вытянулся, доложил по уставу:

– Господин прапорщик, курсант Кентаринов по вашему приказанию явился!

Оженков молча кивнул в сторону шеридана. Кирилл сел в кресло, протянул руки к виртуальной клавише и, набрав се-

рию паролей, перевел на «до востребования» двадцать кредитов со своего счета. Потом привычно просмотрел уже открытый прапором каталог предложений и сделал выбор на следующий раз:

– Модель тринадцать-пятьдесят.

Оженков кивнул и, достав из сейфа «шайбу», заказанную Кириллом неделю назад, сказал:

– Станный вы парень, курсант! Там, – он кивнул в сторону окна, – их сотни, и любая ни стоила бы ни гроша.

– Любая мне не нужна, – ответил Кирилл, стараясь, чтобы не выдать голосом предвкушение. – А подходящей не находится.

– Уж больно вы привередливы, Кентаринов! – Прапор протянул «шайбу» на раскрытой ладони. – Разоритесь!

– Помирать – так с музыкой, любить – так королеву!

Эту фразу Кирилл не раз слышал от Спири. Под королевой тот, разумеется, понимал исключительно Ксанку.

– Ну-ну! – хмыкнул прапор. – Пока есть деньги, будут и королевы.

– Пока мы живы, деньги будут!

Прапорщик хмыкнул:

– Деньги будут, пока руки-ноги целы.

– А без рук-ног и деньги не понадобятся!

Прапор снова хмыкнул и промолчал. И правильно сделал – Кириллу сейчас не нужны были воспитательные речи. От предвкушения едва не трясло.

Кирилл сжал «шайбу» пальцами и снял с ладони Оженкова. «Шайба» была гладкой. Будто аккумуляторная батарея от трибэшника...

Душа тут же запела.

– Разрешите идти?

– Ступайте, курсант. До отбоя времени достаточно. Личный час...

Кирилл отдал прапору честь и ринулся в сторону санблока. Дрожа от возбуждения, ворвался в раздевалку душевой, скинул одежду и, сжимая в потной ладони «шайбу», влетел в кабинку туалета. Пальцы тряслись так, что он едва не выронил гладкий кругляш. Даже на сердце похолодело – удар о пол означал бы, что два десятка кредитов выброшены на ветер... Впрочем, причем тут кредиты? Мечта дороже денег, а несбывшаяся мечта дороже любых денег! А сбывшаяся... Сейчас... сейчас, обрезок... Запереть дверь кабинки... И воткнуть хоботок «шайбы» в штек над правым ухом...

– Как же долго я тебя ждала, мой сладкий!

Голос звонкий, любящий и ласковый...

А вокруг уже не было покрытых белой глазированной плиткой стенок туалетной кабинки. И толчка с подмывалом – тоже не было.

Вокруг был оклеенный фиолетовыми обоями будуар и мягкая белоснежная перина. И неяркий свет торшера в углу. И грива черных шелковых волос. И черное же полупрозрачное белье на белой упругой плоти.

Кирилл утробно рыкнул, повалил жаркое упругое тело на мягкое ложе и, разодрав бархатистый на ощупь бюстгальтер, коснулся дрожащими губами коричневого соска, растущего на глазах, твердеющего. И впился в него, как клещ...

Час личного времени – это очень, очень, очень много, когда нечего делать. И слишком мало, когда имеется любимое занятие!

Мама Ната была полной противоположностью Стерве Зине. Нет, пожалуй, не просто противоположностью – она словно родилась в другом мире. Там, где Зина брала окриком и давлением, Нате достаточно было просьбы и негромкого голоса. Разница в характерах воспитательниц много лет удивляла Кирилла. Он не понимал, как в одном доме могут жить настолько разные женщины. Для мальчишки воспитательницы казались частью приюта, плоть от плоти его, и разумеется они должны быть похожи друг на друга. Как были похожи сестры Бареевы, близняшки, появившиеся в приюте после Кирилла, но уже через год забранные оттуда матерью. Как же им завидовал Кирилл! Даже когда узнал, что женщина, с которой уехали сестры, на самом деле вовсе не родная их мать, а приемная.

Зина и Ната хоть и назывались мамами, но ими не были. И Кирилл никогда не забывал об этом. Много позже он понял, что Стерва Зина пыталась играть для детей роль отца. Зачем ей это было надо, так для Кирилла и осталось неясным. То ли такова была ее натура, то ли она просто пыталась хоть в какой-то степени давать детям мужское воспитание. Наверное, она была не слишком умна. Потому что ей и в голову не приходило, что на самом деле мужское воспитание давал приютским крысенышам Доктор Айболит. И по большому

счёту не имело значения, что общался он с детьми не каждый день и не часами. Просто от Айболита исходило нечто такое, чего никогда не исходило от Мамаы Зины. Она могла сколько угодно ругаться и наказывать, но ей было очень далеко до Доктора Айболита. Даже оплеухи, которые она порой раздавала, не превращали ее в отца. И тем не менее она очень отличалась от Мамаы Наты. Кирилл иногда просто поражался, насколько могут быть разными две ровесницы, родившиеся в одном городе и, судя по их рассказам, жившие в одном районе и учившиеся в одном классе, а потом в одном педагогическом училище. Поражался Кирилл до тех пор, пока вдруг не понял, что вообще все женщины разные. Нет, ни ростом, цветом волос или хрипlostью либо певучестью голоса. То есть, и этим – тоже. Но главное – отношением к окружающим, друг к другу, к нему, Кириллу. И девчонки в приюте были разные. Одни – как Милка Рубиловская – в ответ на то, что ты дернул их за косичку, начинали плакать и бежали ябедничать к мамам. Другие – как Ритка Пospelова – изo всех своих вшивеньких силенок пытались дать сдачи, рыча и кусаясь. И даже если ты с нею в конце концов справлялся, потому что силенок у нее не оставалось, царапины еще долго украшали физиономию обидчика.

Как-то, в очередной раз схватившись с Риткой не на жизнь, а на смерть, повалив ее и притиснув к полу, он, пыхтя и выкручивая девчоночью руку, вдруг понял, что Ритка, при всем ее умении драться, отличается от него гораздо больше,

чем он думал. Нет, конечно, приютские дети рано узнают, чем девочки отличаются от мальчиков, но это отличие до поры до времени если и вызывает интерес, то чисто познавательный. И воспринимается как нечто совершенно привычное – как солнце на небе, как скрипящая дверь в кладовке, как тепло, исходящее от Мамы Наты, когда сидишь у нее на коленях...

Но тут Кирилл почувствовал, что в этом отличии есть нечто ранее совершенно неведомое, для объяснения чего и слов-то сразу не подберешь. А может, их и нет вовсе, этих слов...

Потрясенный этим открытием, он перестал выкручивать Ритке руку, и она одним махом могла расцарапать ему всю физиономию. Однако не расцарапала. Судя по всему. Она тоже почувствовала его открытие и то, что открытие это связано с нею, потому что вдруг замерла под ним и только бурное дыхание, с которым она не могла справиться, напоминало о том, что эти двое только что бились друг с другом не на жизнь, а на смерть.

И Кирилл, сам не понимая зачем, вдруг коснулся губами ее рта.

– Дурак, – прошептала она полуудивленно-полуиспуганно. – Я Маме Зине скажу.

Он вовсе не испугался, что она наябедничает; просто полученные ощущения были настолько новы, что он должен был прежде осознать, что с ним произошло. Да и с нею, Рит-

кой, – тоже. Потому что если бы с нею ничего не произошло, она бы расцарапала ему лицо, а не затаилась мышкой. Та, старая Ритка никогда бы не отказалась от такого удовольствия – пустить кровь сопернику.

Ничего она Стерве Зине не сказала, ни в тот день, ни позже. И Маме Нате – тоже. Кирилл не знал этого наверняка, но почему-то был абсолютно уверен в ее молчании. Это было что-то вроде тайны, о которой знали только они двое и не должен был знать никто третий. Ни Мама Ната, ни Стерва Зина, ни Милка Рубиловская, ни Степка Яровой... Оказывается, у мальчишки с девчонкой тоже может существовать секрет, о котором не скажешь даже лучшему другу.

Больше Кирилл никогда с нею не дрался. Всякий раз, когда они привычно начинали ссориться, он вспоминал ощущение от прикосновении к ее губам, и кулаки сами собой разжимались. Да и Ритка тут же переставала цепляться к нему.

Он не смог поднять на нее руку даже тогда, когда случилось то, что изменило его жизнь, лишило уверенности в себе и навсегда поселило в душе страх перед теми, кого природа не наградила мужским достоинством, зато обеспечила умением вить веревки из тех, кто этим самым достоинством награжден.

Он не смог ударить ее даже тогда, когда их новый секрет перестал быть их секретом. А она начала трепаться, даже не дав ему права на вторую попытку.

Назавтра утреннее построение началось как обычно: с переклички на лагерном плацу, за которой последовало информационное сообщение начальника отдела воспитания майора Грибового об изменениях оперативной обстановки в пограничных мирах. Как и ожидалось, ничего серьезного за прошедшие сутки не случилось, а если что и произошло, то начальству «Ледового рая» командование об этом не сообщило. Однако распорядок дня есть закон, и потому весь лагерь во главе с полковником Лёдовым слушал вчерашнее сообщение, уже известное всему Корпусу.

Однажды, в самом начале учебного семестра, Кирилл спросил Дога насчет таких вот безбашенных выкрутасов со стороны отцов-командиров.

«Смирно, курсант! – рявкнул Гмыря. – Не смей критиковать то, что проверено веками!»

Кирилл, держа руки по швам и борясь с приступом внезапной злобы, ел глазами пространство перед собой. А Его дерьмочество многозначительно добавило: «Чем меньше свободного времени у солдата, тем выше боеспособность и боевой дух боевого подразделения. Впрочем, ваш боевой дух, курсант Кентаринов, останется хилым, даже если загрузить все ваше время бодрствования».

Однако, видимо, ротный капрал все-таки сомневался в

справедливости своего вывода, поскольку тут же объявил слишком любознательному обрезку три наряда вне очереди. Наверное, намеревался за счет загрузки курсанта Кентаринова поднять боеспособность вверенной ему, капралу Гмыре, роты на недосыгаемую для других подразделений высоту...

Неуставных триконок с «гмыровиршами» сегодня в столовняке не обнаружилось. Понятное дело, подпольный сочинитель взял творческую паузу – кому же хочется нарываться на ржавые пистоны?... Народ вел себя за завтраком оживленно – всем было интересно, насколько твердо ротный капрал выполнит свое вчерашнее обещание и действительно ли их мамочки – те, которые живы, – пожалеют, что детки родились на свет. Гадали и о персоне автора. Кругом сыпались самые различные имена и предположения.

Кирилл же, умиротворенный после вечернего любовного «шайбового» сеанса, поедая себе яичницу с беконом и помалкивал в тряпочку. Почему «в тряпочку», он не знал, но существовало, по словам Спири, в старину такое выражение.

После завтрака общего построения не бывало: по установленному в лагере распорядку дня каждая рота производила разводы самостоятельно. Наверное, с целью обеспечения режима секретности. Еще одно проверенное веками достижение военной мысли...

На разводе Его дерьмочество распибалось некоторое время, произнося осуждающую речь по поводу неуставных вза-

имоотношений, которые курсанты позволяют себе до, а особенно после отбоя. Все стояли с тупыми физиями, едва сдерживая смех, поскольку ничуть не сомневались в истинном отношении Дога к «неуставным отношениям»: вечером ефрейтора Сандру Каблукову опять срочно вызвали к господину ротному капралу, и вернулась она только перед самым отбоем, мурлыкая строевую песню «Ох трибэшник ты мой безотказный, батарею сменю я тебе...»

– Теперь о стихах, подрывающих моральные устои курсантов Галактического Корпуса, – сказал Гмыря. – На ваше, дамы и господа, счастье, виновник признался. Матерь вашу за локоток...

«Кто признался?» – чуть было не крикнул Кирилл. Но сдержался. Зато не сдержался стоящий за его спиной Артем.

– Да неужели?..

– Курсант Спиридонов! – тут же отреагировало Его дерьмочество.

– Я!

– Выйти из строя!

– Есть!

Как предписано уставом, Спиря тронул плечо впереди стоящего. Кирилл – так же по уставу – шагнул вперед и вправо, освобождая дорогу, и Спиря вышел из строя, повернулся лицом к роте.

– Курсант Спиридонов! Объявляю вам наряд вне очереди за разговорчики в строю!

– Есть наряд вне очереди за разговорчики в строю! – отозвался Спирия тухлым голосом.

– На вопрос же отвечу так, – продолжал ротный капрал. – Это ваш товарищ, у которого хватило смелости признаться в неблагоприятном деянии. Такие поступки следует всячески приветствовать, поскольку они свидетельствуют... э-э... что даже подобные заблуждения можно в себе преодолеть, если думать не только о собственном апломбе, но и о моральной ситуации внутри боевого коллектива, о своих товарищах, с кем когда-нибудь придется идти в бой. Вот так-то... Встаньте в строй, Спиридонов!

Спирия проследовал на свое место, а Кирилл, пропуская его за спину, пытался понять, у кого это сорвало башню – взвалить на себя чужую вину.

Может, у Сандры, когда ерзала под Гмырей?.. Но Громильша ведь не в теме, что вирши сочинял он, Кирилл. Или метла готова взвалить на себя вину любого?..

Это была новая мысль. До сих пор Сандра казалась Кириллу едва ли не биомашинной, предназначенной исключительно для ведения боевых действий. Как киборги, которых когда-то породила разнузданная фантазия писателей, но которых в реальности создать так и не удалось. То есть удалось, разумеется, но они оказались слишком дороги, чтобы терять их в бою. Да и какой в них смысл, если у любой половозрелой женщины такой «киборг» получается в тысячу раз дешевле, хоть и приходится ждать девять месяцев. И Сандра

– наглядный пример такого вот «киборга», сильная, ловкая, стремительная...

А впрочем, ладно. Надо этой же ночью вывесить новую триконку. Чтобы Его дерьмочество не вообразало себе, что у него в роте всё под контролем. По крайней мере, в области наглядной агитации...

И тут же, как всегда, почти мгновенно родились строчки:

В голове у Гмыри жили
Полторы всего извили...
Жили-были, не тужились,
Жаль, умишком не разжились!

Вторая строчка, конечно, не слишком хороша. А попросту говоря – автор насильно подгоняется под рифму. А уж в третьей Дог и вообще сначала прочтет «тУжились», а не «тужИлись». И все остальные так же прочтут! Ну да и хрен с ними! Есть в этой подгонке рифмы какая-то изюминка. И вообще, я – автор, что хочу, то и ворочу. У ротного капрала разрешения не спрашиваю! А то скоро без Гмыриного дозволения на толчок не сходишь... Знал бы Гмырюшка, что некоторые из его роты после отбоя в сортир ходят парами! Вот бы про какие дела сочинить! Но про это, увы, будет все равно что заложить боевых друзей и подруг... Впрочем, разумеется, капрал это прекрасно знает, иначе не стал бы читать свои лицемерные лекции.

И вообще, если вдуматься, неправильное это все-таки ре-

шение – набирать в Корпус женщин. Хочешь помочь человечеству, подруга, – рожай! Скажем в течение пяти лет пять мужиков! А еще лучше десять, близнецами. Вот это помощь! А так ее убьют в первом же бою, и финиш полета! Прав капрал Гмыря – башни у начальства с курса снесло по полной программе...

– Курсант Кентаринов! – услышал вдруг Кирилл.

И похоже его имя прозвучало не в первый раз, потому что Спирия ткнул товарища в спину, а Его дерьмочество процедило:

– Ворон подсчитываете, курсант, мать вашу за локоток?

– Никак нет! – отрапортовал Кирилл. – Пытаюсь понять, кто сочинял всю эту наглядную агитацию. Я имею в виду вирши.

– Ну и как успехи? Поняли, кто автор?

– Никак нет, господин ротный капрал!

– Печально, мать вашу за локоток... Наряд вам вне очереди, курсант! За непонятливость!

– Есть наряд вне очереди за непонятливость! – рявкнул Кирилл.

«Наверняка на подновление пропагандистских триконок пошлет, кол ему в дюзу!» – подумал он.

И в который раз порадовался, что раскусил замысел Дога, когда тот, рассчитывая выявить сочинителя, начал отправлять курсантов на подзарядку и подновление триконок, которые имели обыкновение не только разряжаться, но и из-за

вариативности защитных полей Периметра утрачивать первоначальные цвет и форму. Кирилл приложил тогда немалое количество сил, чтобы скрыть ту легкость, с которой он способен выполнить работу. И тем обрек себя на постоянное получение этого наряда, иногда прерываемое уборкой туалетов: Его дерьмочество очень любило награждать курсантов работой, которая давалась им тяжело. Правда, манипуляции с триконками давались тяжело всем в роте. Тут, помимо владения операционной системой инфосферы, надо иметь еще и хорошее пространственное воображение.

Если бы не Петя-Вася, учитель рисования в приюте, туго было бы и Кириллу... Петр Васильевич проработал всего лишь год, но за этот год научил Кирилла многому. Хороший был дядька, жила в нем настоящая забота о детях, от души, а не по службе... Пете-Васе никогда бы не пришло в голову обустроить в игровой Темный Угол! Кирке Кентаринову всегда казалось, что учитель рисования похож на его, Кирилла, отца. Конечно, пока Кирка не узнал, кто же его отец на самом деле.

Поварихи с приютской кухни жалели Петю-Васю и говорили потом, что воспитательницы его съели, поскольку тот был больше похож на воспитателя, чем они все вместе взятые... Кирилл верил этому лишь наполовину. Стерва Зина могла съесть кого угодно. А вот Мама Ната...

– Рота, мать вашу за локоток, равняйся! – взревел Дог. – Смирна-а-а! Дамы и господа! На утренние занятия... по-

взводно... согласно расписанию... ша-а-аго-ом... марш!!!

И армейские ботинки курсантов завели каждодневную перекличку с лагерными дорожками, посыпанными специальным песком, доставленным из Аркадии, крупнозернистым и непылящим. Через пять строевых шагов оба взвода, согласно традиции, рассыпались в обычные толпы.

А с синего неба на дам и господ смотрели два светила.

Это было удивительно, однако до приюта Кирилл никогда не слышал стихов. То есть, возможно, мама ему и читала стихи, но ведь он ее совершенно не помнил. И стихов, соответственно...

Уже в первый вечер в приюте, когда укладывали спать младших, Мама Ната прочла вслух:

Спать пора. Уснул бычок,
Лег в коробку на бочок.
Сонный мишка лег в кровать,
Только слон не хочет спать.
Головой кивает слон —
Он слонихе шлет поклон².

Кирилл был просто потрясен. Оказывается, самые обычные слова можно складывать таким образом, что они звучат, как... как... Тогда он так и не нашел сравнения. Лишь много позже понял — как военные марши. Это когда увидел в видеоклипах ряды шагающих солдат, чеканящих шаг в той равномерности, слова для обозначения которой он тоже не знал. Потом ему, конечно, сказали, что эта завораживающая равномерность называется ритмом.

² Стихи Агнии Барто.

Этот самый ритм и потряс Кирилла в тот вечер, когда Мама Ната рассказала о бычке, мишке и слоне. Ритм и одинаково звучащие слова, будто бьющие в одну точку, которой вроде бы и не видно, но здесь же она, иначе бы слова так не сходились...

Потом были наша Таня с непотопляемым в речке мячиком, и рыжий-конопатый, обидевший дедушку лопатой... и всякий раз рифма и ритм завораживали приютского крысеныша.

А когда Кирилл научился читать, к звукам прибавился внешний вид стихотворных строчек с их ровным левым краем и лесенкой на концах. Да еще одинаковые буквы на этих самых концах!

Приютские друзья и подружки не понимали его восторгов. Подумаешь, стихи! Вот когда в полдник дают конфеты, это – да!!! Это – отчего сладко во рту, и хочется еще, а еще нельзя, и придется ждать следующего полдника, а до него полдня, и целый вечер, и целая ночь, и целое утро, а стихи твои, Кирка, невкусные и несладкие.

Даже Степка Яровой не понимал приятеля.

Ну и фиг с вами!

Когда Кирилла научили пользоваться сетью, он отыскал там не только картинки. Он нашел там стихи и с удивлением обнаружил, что в отличие от прозы их можно по-разному форматировать, строя из слов лесенки и плетенки. А потом Мама Ната научила его творить так называемые видеофор-

мы, которые в просторечье называли триконками.

Вообще, эта штукавина была вполне доступна. Главное, чтобы вокруг расстиралось невидимое энергетическое поле, называемое инфосферой, а сам человек умел управлять операционной системой этого поля. На Земле и Марсе это удовольствие доступно всем, на малонаселенных спутниках больших планет, с их сильным гравитационным воздействием и постоянными землетрясениями на обжитых небесных телах, – недоступно вообще. Остальные миры располагаются между этими крайними точками шкалы обитаемости. Ну да, к Земле и Марсу еще надо прибавить Ганимед и Титан, давно уже оторванные от своих хозяев, терраформированные, выведенные на гелиоцентрическую орбиту и снабженные гравитатором и старболом. Но эти небесные тела, собственно, почти родные братья Марса...

В общем, там где люди отдыхают, они везде творят триконки. Дарят их друг другу на дни рождения, рождество Единого, Новый год да и просто так. Другое дело, что для сотворения интересной триконки творец должен быть либо художником, либо поэтом, либо обладать обоими творческими талантами.

Художником Кирилл не был – Единый дара не дал, – зато рифмованные строчки у него получались на раз.

Пару дней Кирилл поупражнялся в экзерсисах, а потом возле открытой форточки обнаружилось вращающееся бледно-синее двустрочие:

*Мама Ната виновата
В том, что нам холодно.*

Стерва Зина пыталась было зарычать, но героиня триконки совершенно не обиделась.

– Молодец, Кирилл! – сказала она. – Считай, теперь у тебя всегда есть что преподнести близкому человеку, помимо всех этих безделушек, называемых подарками.

Уже через день Мама Ната получила от Кирилла подарок:

Дети все на свете
Называют мамою
Милую, хорошую,
Дорогую самую!
Ночью звезды за окошком
Рассыпаются горошком,
Мама наш покой хранит,
Мы заснем – она не спит.³

Триконка была цвета листьев фикуса, а верх каждой буквы украшала изумрудная звездочка, испускающая каждую половину минуты зеленые лучи.

Правда, стихотворение Кирилл сочинил не сам – раздобыл в сети, – но Мама Ната ничего ему не сказала, хотя наверняка догадалась. Глаза ее заблестели, из них выкатились

³ О. Фадеева «Самая хорошая».

две крупных слезинки, оставив на щеках мокрые дорожки.

Много позже он узнал, что она бесплодна, и вся хваленая земная медицина не в силах ей помочь. Чаще всего именно такие женщины и работали в детских приютах. На долю приюта в Осиновой Роще достались Мама Ната и Стерва Зина. Впрочем, в ту пору Кирилла совершенно не интересовало, почему воспитательницы работают в приюте. Как не интересовало и то, почему к ним в гости приходят порой разные мужчины.

Правда, однажды он спросил Маму Нату, почему она не выйдет замуж за Доктора Айболита, тогда бы все смогли звать Айболита папой.

– Не на всякий утюг найдется тряпка, – сказала Мама Ната, и Кирилл не стал переспрашивать, причем здесь старинное приспособление для приведения в порядок одежды.

Дарил он потом триконки Степке Яровому и многим девочкам, хотя некоторые смеялись над его строчками и говорили, лучше бы он фотку затриконил, от фотки польза, ею можно украсить комнату, а что за прок с двустиишия:

На твоём лице веснушки,
Будто детки-солнышки.

Конечно, это много лучше, чем

Томка Природина –
Конопатая уродина!

Последнюю триконку умудрился сочинить Петька-Мартышка, за что был нещадно бит самой Томкой. А Кирилл потом ему добавил – не потому что обиделся за конопатую Томку, а чтобы Петьке неповадно было равняться с ним, Кириллом. В приюте не должно быть двух поэтов, а то люди не будут знать, кто повесил в столовой пожелание:

Ешьте, дети, с аппетитом
Или будете несыты.

Больше Мартышка триконок со стихами в приюте не вывешивал.

А Кирилл даже Доктору Айболиту подарил четверостишие.

Добрый Доктор Айболит!
Он под деревом сидит.
Приходи к нему лечиться
И корова, и волчица.⁴

Правда, стихи были не его, опять спер из сети.

И только Стерве Зине он никогда не подарил ни одной строчки. Хотя сочинил много. К примеру,

Ходит боком Стерва Зина,

⁴ Стихи Корнея Чуковского.

Будто жопа из резины.

Много позже Кирилл узнал, что жопа у Зины вовсе не из резины, но это не изменило его отношения к ненавистой воспитательнице.

А потом в приюте появился учитель рисования Петя-Вася, и оказалось, что дар художника у Кирки все-таки имеется.

И триконки его стали такими, что даже девчонки перестали ругаться.

То, что Солнечная система находится в полной изоляции, выяснилось далеко не сразу.

Экспансия землян в Космос началась еще в середине XX века. Первые облеты родной планеты, первые вылазки на Луну... Имена, завораживающие слух многочисленных романтиков: Юрий Гагарин, Алекс Леонов, Нил Армстронг... Первые орбитальные станции... Завораживающие слух многочисленных романтиков названия: «Салют», «Скайлэб», «Мир»...

В начале XXI века количество романтиков резко сократилось. Многим стало казаться, что пилотируемая космонавтика зашла в абсолютный тупик. Да и не только пилотируемая... Причем в уныние впали даже сами представители одной из наиболее юных профессий. Не все, правда, далеко не все, но нашлись пессимисты. (А ведь что интересно – представители древнейших профессий в уныние не впадают! Наверное, давно уже среди них остались одни оптимисты...) Это был нормальный кризис, явление, присущее любому живому процессу – как в технологии, так и интеллектуальном развитии общества. И как всякий кризис, он неизбежно привел к новому скачку. Ведь специалисты, соглашавшиеся с тем, что современная космонавтика исчерпала себя, отнюдь не удрали в производство суперсовременных

бюстгальтеров и компьютерных игрушек очередного поколения. Нет, они продолжали ломать головы над тем, что им было наиболее близко, что волновало и грело душу. Выгода выгодой, но фундаментальные исследования и научные программы никогда и никому не приносили прибыль в одночасье. Штаты и Россия, две наиболее продвинувшиеся в освоении Космоса державы, договорились предпринять совместную экспедицию на Марс. К ним присоединились Европейское космическое агентство и страна Восходящего Солнца. Поднебесная, правда, двинулась собственным путем, но ведь она всегда все делала по-своему – и воробьев по рисовым полям гоняла, и буржуазный строй под контролем компартии строила...

В общем, требовалась политическая воля. И как только она у президентов нашлась, все сдвинулось с мертвой точки. Перед учеными и конструкторами были поставлены конкретные задачи; все необходимые законопроекты проведены через парламентские комиссии и комитеты и сами парламенты; пропагандистские тезисы сформулированы; электронные и бумажные средства массовой информации осуществили массированную бомбардировку общественного сознания, и, как говаривал один из могильщиков государственно-монополистического феодализма в России, «процесс пошел». Хотя и не без труда, разумеется...

Общественное сознание многолико. В нем можно найти ярых сторонников бессмысленного поворота великих сибир-

ских рек в пустыни Средней Азии. А можно и противников создания современных продуктов и товаров. У марсианско-го проекта тоже нашлись и те, и другие.

«Вы только зря выбросите на ветер миллиарды, принадлежащие налогоплательщикам, – говорили противники. – Толку не будет».

«Мы освоим производство новых машин и материалов, – отвечали сторонники. – Это будут миллиарды, вложенные в экономику и создание новых рабочих мест».

«Вы рискуете жизнями людей, – говорили трусоватые обыватели. – Кто вам дал право?»

«Мы готовы рискнуть, – отвечали члены экипажа «Надежды», отобранные из многих тысяч претендентов. – В конце концов, это наши жизни».

«Вы не найдете там ничего, кроме камня и песка», – говорили противники.

Они нашли Лик.

Эта находка потрясла всю Землю.

Лик был персонажем-антуражем немалого количества фантастических романов и блокбастеров. В одних сюжетах – инопланетный космический корабль, дожидющийся гостей с Земли; в других – устройство мгновенной связи с внеземными цивилизациями; а кое-где – и просто конструкция неизвестного назначения: то ли памятник неведомому существу, то ли космический маяк. Бесполоая красивая физиономия: и человеческая, и нечеловеческая одновременно... С

глазами, но без ушей. С носом, но без ноздрей...

А в общем, все это оказалось уже неважно. Даже если Лик был стилизованным изображением земного человеческого лица, создали его все равно не люди. Создали его нелюди. Инопланетные существа. Ксены...

И это было главное.

Первоначальные планы марсианской экспедиции были немедленно скорректированы. Приоритет в программах отдали исследованиям Лика. Измерения магнитных полей, спектральный анализ отобранных проб, механические испытания образцов... Таковы были новые планы. Но и в них пришлось вносить коррективы, поскольку при попытке отпилить от артефакта первый же образец, Лик пропал. Не взлетел, не взорвался, а просто исчез, мгновенно растворился в разреженной марсианской атмосфере. К счастью, не без следа: отпиленный образец – массой в полцентнера – остался в распоряжении людей. И многочисленные кассеты с изображением тоже пребывали на борту «Надежды».

Одним словом, даже если бы и захотелось кому-то выдать находку за результат массового помешательства членов экспедиции или просто за мираж, ничего бы не получилось. Командир экспедиции Джозеф У. Маккинис решил, что доставить заполученный образец неизвестного материала (бортинженер Михаил Г. Лазарев назвал его Полтинником) на Землю много важнее всех исследований Марса. Но изменить законы небесной механики и заранее разработанные планы

полета он не мог. Эти законы и планы продержали «Надежду» на Красной планете еще восемьдесят четыре дня, и каждый из этих дней экипаж проживал с опасением, что Полтинник исчезнет – подобно Лику.

Однако артефакт не исчез. И первоначально запланированные исследования – к ним, естественно, вернулись; не ваять же дурака, ожидая времени отлета назад! – были проведены (их результаты оказали немалую помощь при проектировании первой марсианской базы – зародыша города Гагарин). И законы небесной механики не подвели – Полтинник был доставлен на Землю точно в срок и в полной сохранности.

Далее последовали девять лет безграничного энтузиазма и не менее безграничного противодействия. Энтузиастам было к чему стремиться – человечество во Вселенной все-таки оказалось не одиноким, и понимание этого факта окрыляло миллионы и миллионы. А внезапное исчезновение Лика объясняли просто – ксены желают, чтобы человечество нашло их самостоятельно, чтобы явилось в Галактику полноправным деятельным партнером, а не униженным младшим братом развитых цивилизаций.

Противники же объявили Лик и его исчезновение последним Божиим знамением. Господь дает потомкам Адама и Евы недвусмысленный знак: не идите против Меня, покайтесь во грехах ваших, ибо близится второе тысячелетие со дня распятия Христова, и грядет Армагеддон в лето две ты-

сячи тридцать третье, и сойдется Добро со Злом в последней схватке, и восстанут из праха ушедшие, и содрогнется земля-матушка. И так далее и тому подобное...

Полтинник много раз пытались похитить и сделать из него новую реликвию Господнюю, и молиться ей: прости нас, Иисусе, и не обрушь гнев Господень на главы наши безумные, на длани наши нечистые, на помыслы наши греховные!..

Но помыслы греховные живут параллельно с молитвами праведными, и именно помыслы эти, подкрепленные исследованиями Полтинника и уверенностью, что мы во Вселенной не одни, привели к созданию ПРД – пространственного реактивного двигателя, то есть мотора, рабочим веществом в котором является само пространство, «сжигаемое» внутри «камеры сгорания». Продукты же «горения» выбрасываются наружу, позволяя снабженному таким двигателем транспортному средству развивать скорость, превышающую недостижимые прежде триста тысяч километров в секунду.

ПРД злостно нарушал детище великого Альберта Эйнштейна – теорию относительности. И яйцеголовые молодые люди принялись разбираться – почему. А когда разобрались, в добавок к сверхсветовому двигателю земляне получили обнулитель массы – или нейтрализатор инерции, – который позволял развивать ускорение, в десятки раз превышающее g (ускорение свободного падения возле поверхности Земли).

После этого рухнул межзвездный барьер (межпланетный рухнул сразу после создания ПРД).

Появление ПРД позволило человечеству быстро (в исторических масштабах, разумеется) обосноваться на Луне.

Были созданы два подземных города: Ферми, населенный исключительно учеными и обслуживающим персоналом; и Королев – при заводе, на котором освоили поточное производство межпланетных кораблей-транспланов. Теперь тормозом стали шаттлы – транспорты, доставляющие людей и грузы с Земли (в широком смысле – с поверхности любой планеты) на орбиту вокруг нее. Неэкономичны были как старые «керосинки», созданные еще на заре эпохи, так и прогрессивные, кислородно-водородные носители.

Новый технический прорыв обеспечили физики, работающие в области изучения гравитации. Генераторы гравитационных полей позволили создать шаттлы, способные выводить на орбиту тысячи тонн полезного груза, составляющие до девяноста процентов общей массы транспортного корабля. Сравните со старыми носителями, где девять десятых приходилось на горючее и окислитель...

Но эта была только одна сторона нового открытия. Второй стало изобретение планетарного ГГП, позволяющего создать на поверхности небесных тел, не дотянувших до размеров Земли, силу тяжести, привычную для человека. Иными словами, g стало одинаковым везде, где собирались поселиться люди. После чего создание вокруг небесного тела земной атмосферы стало только вопросом времени и достаточного количества энергии.

Для полного счастья земным колонистам на осваиваемых планетах теперь не хватало лишь одного – солнышка. И физики сочинили его – рукотворный плазменный шар диаметром в несколько километров, со спектральными характеристиками звезд главной последовательности класса G2. Такое минисолнце, названное создателями «старболом», вместе с местным светилом, довершало создание на планете земных условий.

К этому времени разведывательно-исследовательские экспедиции уже побывали возле ближайших светил, начиная с Проксимы Центавра и кончая Бетой Волос Вероники. Возле многих из обследованных звезд были найдены твердые планеты земной группы. Они просились на роль колыбелей жизни, но жизни на них не было – ни высшей, ни самой примитивной. Это «открытие» противоречило всем постулатам космической биологии и вызвало в обществе сильнейшее разочарование. Отдельные психически неустойчивые представители религиозных сект, возникших после обнаружения марсианского Лика и уже сотню лет готовящихся к встрече с братьями по разуму, принялись организовывать массовые суициды. Что же, на этом хотя бы заработали психоаналитики и психиатры...

Уже в те годы прозвучало мнение о том, что неведомые космические враги землян создают вокруг Солнечной системы выжженную пустыню, дабы воспрепятствовать дальнейшей экспансии человечества в Галактику... Официаль-

ная наука назвала подобные мнения «бредом сивой кобылы» и призвала искать объяснение случившемуся в природных явлениях.

Откровенно говоря, абсолютная безжизненность открытых планет казалась странной не только психам от Первого контакта и Галактической войны. Гленн Гейнор, член Административного совета Агентства космических исследований, командующий 10-й экспедицией, отправленной на расстояние в двадцать семь с небольшим световых лет, к звезде бета Гончих Псов, почти двойнику нашего Солнца, как-то заметил, не скрывая досады: «Такое впечатление, будто Всевышний прошел по этим мирам со стерилизатором в длани. Сплошная неорганика!...»

Его чувства можно было понять. Ведь в Солнечной системе простейшие органические соединения были найдены даже на спутниках Урана. А тут только голые минералы и залежи руд...

В общем, такие научно-необъяснимые явления принято называть чудесами. Однако главное чудо было еще впереди.

Его обнаружила 15-я экспедиция, отправленная к еще одному близнецу животворного земного светила, звезде Дельта Треугольника. До цели два корабля 15-ой, «Лебедь» и «Орел», не добрались, ни с того ни с сего оказавшись в созвездии Центавра. Их сообщение пришло из точки, расположенной на три градуса севернее Пси Центавра, то есть из совершенно противоположной стороны небесной сферы.

Человечество было заинтриговано.

Агентство космических исследований, воспользовавшись всеобщим интересом, добилось финансирования нового проекта и снарядило тридцать шесть автоматических зондов, которые были отправлены к тридцати шести равноудаленным друг от друга точкам небесной сферы. Ждать пришлось недолго. Все тридцать шесть аппаратов ждала судьба «Лебеда» и «Орла» – они вернулись с противоположных направлений.

Обработав данные бортовых компьютеров, штурманский сектор АКИ сделал вывод, что вокруг Солнечной системы существует некий непреодолимый барьер неизвестной природы радиусом в тридцать три световых года.

Психи-ксенофобы тут же завопили о галактическом заговоре вокруг Земли, о блокаде Солнечной системы, о необходимости немедленно дать потенциальному агрессору адекватный асимметричный ответ...

Астрофизики, разумеется, пытались объяснить наличие барьера природными причинами. Супруги Лена и Анна Нильсен из Стокгольмского университета высказали мнение, что сектор Галактики, в который входит Солнечная система, состоит, в основном, из антивещества. И барьер есть ничто иное как слой вырожденного пространства между нашим миром и окружающим антимиром. Мир, включающий Солнце и ближние звезды, замкнут сам на себя, потому-то любая точка на барьере является точкой, расположенной

на противоположной стороне сферы относительно Солнца. Некоторые злые языки немедленно заговорили о возвращении гелиоцентрической модели мира. А иначе почему Солнце является центром доступной человечеству части Вселенной?..

Итог дискуссии подвел папа римский Бенедикт XIX.

– Дети мои, – сказал он. – Вспомните Марсианский Лик, найденный триста лет назад. Ведь давно стало ясно, что его находка и исчезновение были Божьим промыслом, направленным на то, чтобы мы не замыкались на своих земных болячках и продолжали познавать мир, созданный Им во славу Его... И не кажется ли вам, дети мои, что теперь Господь положил наш мир в мешок, чтобы мы не распахивали свои алчные рты на все окружающее разом, а сначала проглотили кусок, который нам предложен Им в настоящее время? Не кажется ли вам, дети мои, что время собирать камни?

И земляне принялись собирать камни, то есть осваивать те три десятка миров, которые были доступны и центральные светила которых относились к спектральным классам F и G, отличаясь по светимости от Солнца не больше, чем на порядок.

А понятие «Мешок», как часто бывает, вошло в обиход помимо воли того, кто первым произнес это слово.

Утренние учебные часы – чему бы они ни были посвящены – дважды в неделю заканчивались построением всего личного состава лагеря на плацу и выступлением Маркела Тихорьянова, лагерного капеллана, адепта церкви Единого Всевышнего. Ходили, правда, глухие слухи, будто капеллан, кроме забот о боевом духе и моральном состоянии курсантов, занят еще и некой тайной деятельностью, являясь сотрудником одной из спецслужб, но за негласными делами его никто никогда не заставлял, зато «гласные» слышал каждый.

Вот и сегодня, едва роты заняли свое место на плацу, Тихорьянов поднялся на трибуну, в данный момент играющую роль амвона, и откашлялся: марсианский воздух сушил ему глотку, а промочить ее в течение рабочего дня возможности не представлялось. Разве только водой...

– Курсанты! – Капеллан еще раз откашлялся, и компьютеры разнесли этот, многократно усиленный, похожий на лай звук по десяткам триконок-мониторов, вспыхнувших перед каждым взводом и составляющих информационную сеть «Ледового рая». – Сыновья и дочери Солнечной системы! Соратники! К вам я обращаюсь, друзья мои! – Тихорьянов обвел проникновенным взором неподвижные колонны курсантов. – Неведомый враг не дремлет! Ксены строят свои козни против человечества! Вчера пришло сообщение

о том, что монстры появились на Незабудке, четвертой планете системы звезды Бета Волос Вероники, в двадцати семи световых годах от Земли. Если кому неизвестно, сообщаю: у нас там поселение в пятьдесят тысяч человек, которые занимаются терраформированием планеты и разработкой месторождений язонита. А без язонита, как вам всем должно быть известно, не изобразишь даже самый маломощный ПРД.

«Не зря ли мы тарыхтим об этом на каждом шагу? – подумал вдруг Кирилл. – Кто знает, может, у ксенов повсюду глаза и уши? В том числе и в нашем лагере!»

Он скосил глаза направо, потом налево. И чуть не расхохотался.

Вот уж идея так идея! Представь себе, Сандра Каблукова – пособница ксенов!.. Или Спирия! Или Ксанка Заиченкова! Бред! И не просто бред, а бред сивой кобылы! Или как говорят в Корпусе, летучий мусор! Скорее уж тогда Димитриадий Гмыря, да и это – явный сход с курса! К тому же, существа, способные доставлять монстров на наши пограничные планеты столь скрытно, что этого не могут зафиксировать сторожевые сателлиты, вряд ли нуждаются в подобной разведке... Такие существа наверняка знают о язоните и ПРД побольше нашего...

– Первые монстры были замечены на Незабудке неделю назад, – продолжал капеллан. – А уже вчера они начали атаку на рудники. Пока их наскоки удастся отбить, но Незабудке требуется помощь, и командование Корпуса принимает экс-

тренные меры, должны привести к отражению атаки и полному уничтожению анимал-десанта.

«Вот где главная странность, – подумал Кирилл. – Монстры были обнаружены неделю назад! Почему они ждали целую неделю, прежде чем напасть на рудники? Более тупой тактики и придумать нельзя. Вот тебе отсрочка, неприятель, организуй оборону своих объектов, а уж потом мы тебя огого! Вот только потом никакого огого не бывает. Потому что оборона организована, и приняты соответствующие меры. Странно только, почему в эти меры не входит применение против монстров бронетехники? Почему вся тяжесть оборонительных действий ложится на хрупкие... то есть на могучие плечи бойцов Галактического Корпуса? Почему, к примеру, нельзя использовать летательные аппараты и забросать монстров бомбами, как это делается в блокбастерах?»

– ...и говорю вам: «Будьте сильны и мужественны!» – продолжал свою речь Маркел Тихорьянов. – Ибо давление на наши пограничные миры со стороны неведомого врага будет возрастать. Ибо Галактический Корпус призван защищать человечество. Ибо ваше обучение, сородники, близится к завершению, и вскоре вы присоединитесь к тем, кто стоит на страже жизненных интересов нашей родной Солнечной системы. И да пребудет с вами Единый!

Капеллан прижал к сердцу правую руку.

Над плацем зазвучала мелодия гимна Галактического Корпуса, курсанты также прижали к сердцам правые руки, и

строй грянул:

Не дремлет злобный враг у наших врат,
И мы не дремлем в ожиданьи тоже.
И если во врата прорвется супостат,
На атомы легко его разложим.
Мы можем!

Воодушевление переполняло души курсантов. Краснели щеки и уши, блестели глаза...

Собрались ксены перед нами, брат!
Они сильны! Но мы могучи тоже!
И если в нашу жизнь ворвется супостат,
На атомы легко его разложим.
Мы можем!

Грудь разрывало от ненависти, сжимались кулаки, и никому не стоило сейчас становиться на пути у Человечества. Разорвали бы голыми руками...

У ксенов план – отбросить нас назад,
Они ударят, мы ударим тоже!
И если отступить не станет супостат,
На атомы легко его разложим.
Мы сможем!

Музыка замолкла. Строй синхронно перевел дух, как буд-

то вздохнул мифический титан.

Идеологическая обработка личного состава закончилась.

– И да пребудет с нами Единый!

Капеллан спустился с амвона, который вновь сделался трибуной, а его место занял начальник лагеря полковник Лёдов.

– Лагерь!.. Равняйся!.. Сми-р-на-а!

Подбородки курсантов рванулись направо, глаза уставились на соответствующую грудь соратника или соратницы и вперились в пространство перед носом. На секунду повисла звенящая тишина, защищаемая Периметром от городских шумов Гагарина.

– Полчаса на личные нужды! – объявил Лёд. – В тринадцать тридцать – обед! Вольно! Разойдись!

Строй рассыпался. Курящие потянулись к курилкам. Некурящие сбивались в пары-тройки, обменивались взаимными подколками и удивленными восклицаниями: личное время перед обедом отцы-командиры подарили курсантам впервые. Видимо, и вправду близилось окончание учебы... Интересно, а у бойцов Галактического Корпуса есть перед обедом личное время?

Рядом, как обычно, оказались Ксанка и Сандра Каблукова, и Кирилл задал этот вопрос Сандре. В конце концов Громильша – ефрейтор и вполне может знать то, чего не знает рядовой курсант.

– Не срывай сопло, Кент! – скомандовала Сандра. – У бой-

цов вообще обеда не бывает, если монстры в атаке! Разве что сухой паек во время передышки.

Ксанка посмотрела на нее задиристым взглядом. Но зади- раться не стала.

Вокруг трепались, курили и играли в «жучка» – народ не знал, на что употребить свалившиеся на голову полчаса... нет, уже двадцать шесть минут.

– Времени на один стык хватит, – сказал Мишка Афонин- цев. – Жаль, не с кем... Метелки! Не составите компанию? Мотанем в душевую?

– Перебеешься! – фыркнула грубая Каблукова.

Ксанка скривилась.

– Пойду маме с папой послание надиктую, – сказала она, вопросительно глядя на Кирилла.

У того нужды в диктовке посланий не было, и он лишь пожал плечами. Зато тут же подскочил Артем:

– Тебя проводить, Заича?

– Нет, Артюшенька, я сама дорогу в пункт связи найду. – Ксанка покачала головой и ушла.

Артем остался стоять, растерянно глядя ей вслед. Как буд- то его отшили в первый раз...

– А вот интересно, Спиря, – сказал ему Кирилл. – Есть у нас в Корпусе авиация и бронетехника? Или галактическая война ведется лишь с помощью живой силы?

Артем моргнул, непонимающий взгляд его осмысленным делался медленно, будто Спирины мозги были заняты слож-

ным упражнением на занятии, скажем, по тактической подготовке.

– Говорят, будто ни снаряды, ни бомбы, ни зажигалки монстрам вреда не причиняют, – сказал он наконец.

– И кто же это говорит? – спросил Кирилл. – Те, кто водил бронемашины в бой?

– Не знаю. Эти сведения из сети, анонимные и вроде бы даже секретные... Ты вот что, Кент, послушай-ка... – Артем замолк, покусывая нижнюю губу.

– Ну? – сказал Кирилл, когда пауза затянулась.

– Попросился бы ты в другую роту, Кент. Ты у меня поперек горла стоишь! – В голосе Спири послышалась ненависть.

Это было настолько неожиданно, что Кирилл не сразу нашел ответ.

– Послушай меня, Артем Иванович, – сказал он потом. – Я ведь ничего не делаю, чтобы она... Ты, надеюсь, понимаешь это? А что касается другой роты, почему ты думаешь, что она не переведется следом за мной?

– Тогда найди себе подружку, чтобы не торчал одинокий, как пугало в огороде, чтобы она видела, что у тебя есть с кем...

Похоже, у Спири от бессилия поехала крыша. От бессилия и ревности, для которой Кирилл не давал пищи...

– Слушай-ка, Темыч! О чем ты говоришь? Может, ты мне еще и пару подберешь? Может, еще и в стременных постоишь? Ты бы лучше не вопросы Ксанке задавал, а дело де-

лал... «Тебя проводить, Заича?»... «Тебе компоту подать, Ксана?» – Кирилл положил руку Спире на плечо. – Ты ведешь себя, как последний придурок!.. Завались к ней, не топчись тут! Протопчешься!

Спиря сбросил с плеча Кириллову руку, продолжая кусать губу и играть желваками на скулах. Потом лицо его слегка прояснилось, хотя на солнце в этот момент набежало облачко, и вокруг чуть потемнело.

– Может, ты и прав, Кент... Завалюсь...

Спиря ускакал в сторону лагерного пункта связи. Кирилл повернулся и обнаружил, что на него смотрит Сандра Каблукова. Похоже, Громильша слышала весь дружеский разговор курсантов Кентаринова и Спиридонова.

– А хочешь, Кент, я позабочусь о том, чтобы ты не торчал, как пугало в огороде? – еле слышно спросила она.

Тихий голосок подходил Сандре примерно так же, как монашеская ряса ресторанному вышибале.

Кирилл представил ее обнаженной и мысленно содрогнулся. Это была картинка не для слабонервных.

«Помилуй меня, Боже, от таких подружек! – сказал он себе. – Кому еще хочется Кентаринского тела? Не рота курсантов, а сборище сексуальных маньячек... Откуда только вас всех набрали, нимфоманок? Шли бы лучше замуж, рожали бы детей... Если эта война будет разрастаться, бойцов Галактического Корпуса потребуется много».

Он врал даже в мыслях, но признаться себе в этом было

выше его сил.

– Спасибо, ефрейтор! – сказал он вслух. – Мне, откровенно говоря, и так неплохо живется!

– Ты, Кент, похоже, зелень еще, – заметила Сандра, поморщившись. – Никогда бы не подумала...

– Я же приютский крысеныш, – пояснил Кирилл. – Знаешь, ефрейтор, привык всю жизнь бегать один. Как волк. В одиночку проще...

– Зачем же пошел в Корпус? – Сандра выпрямила спину и отвела назад плечи да так, что будь форменная футболка с разрезом, буфера бы выпрыгнули на волю, прямо Кириллу в руки. – Ведь одиночек в Галактическом не любят, тут все делается коллективно.

– Ну монстров-то сандалить я и в коллективе сумею!

– Честно говоря, – сказала Сандра, – я имела в виду другое одиночество. – И наклонившись к самому уху Кирилла, прошептала: – Если захочешь постыковаться, только свистни – и я под тобой!

Кирилл опешил. Как ответить на подобную прямотень – он понятия не имел, а отвечать явно было надо. Иначе в лице ефрейтора Каблуковой наживешь на свою репу сплошные ржавые пистоны. Как минимум – хотя бы недоброжелательность, а как максимум...

Если б он мог быть откровенным... То есть сказать не ту правду, которую нельзя, а ту, которую можно...

Его спас разнесшийся над территорией «Ледового рая»

сигнал на обед.

Так и не придумав, чем себя занять в неплановое личное время, народ, бухая ботинками, радостно рванул в сторону столовой. Мишка Афонинцев, не нашедший желающих увидеть в нем сексуального партнера, несясь впереди всех. Наверное, сексуальный голод имел у него свойство превращаться в желудочный.

Сандра продолжала выжидающе смотреть на Кирилла.

Облачко сбежало с солнышек, солнышки брызнули полным светом, и глаза Сандры засверкали.

Пауза наваливалась на Кирилла неподъемным грузом, хотелось вжать репу в плечи и зажмуриться.

– Свистну, – сказал он наконец. – Поедим вот гуляшу, попьем компоту и выработаем специальный сигнальный свист.

Наверное, это был подходящий ответ, потому что Громильша заржала в голос, чувство неловкости мгновенно улетучилось и оба курсанта бок о бок побежали следом за оголодавшим народом.

Почему он в первые же дни сошелся с Ксанкой и Артемом, Кирилл и сам не смог бы ответить.

В отличие от него, эти двое оглоедов были вовсе не приютские. Ксанка оказалась дочкой весьма и весьма небедных родителей. Правда, кроме нее, в семье насчитывалось еще пятеро детей; она была старшей, и, возможно, ей попросту не хватало родительской ласки или, наоборот, зацелованной и забалованной девице хотелось поскорей выпрыгнуть из гнезда... В общем, Кирилл так и не понял, почему она пошла в Галактический Корпус. Сама же Ксанка об этом никогда не рассказывала, а если спрашивали, отшучивалась:

– Хочу стыковаться, но чтобы детей не было.

Правда, за все месяцы учебы Кирилл так и не заметил, чтобы девица отлучалась куда-то с кем-нибудь в паре. С другой стороны, в лагере, помимо курсантов, водились еще и офицеры, которые тоже были охочи до гладкого девичьего тела. Намного приятнее, чем затаскивать в кабинеты разъевшихся поварих из лагерной столовой...

Со Спирей все было по-иному – тот был младшим ребенком в семье, в качестве прямого продолжателя своего весьма делового рода не рассматривался, светил ему в папашиной фирме пост какого-нибудь второго помощника при третьем директоре и капиталы в распоряжение соответствующие. К

тому же, рос мальчишка, с точки зрения главы фирмы, придурочным – вместо того, чтобы изучать всякие зонтики Марковица и франчайзинги, занимался историей двадцатого века, хуже того, не историей общества или политических процессов, а разговорным языком. Ну не придурок ли?! Какой бизнес можно сделать на разговорном языке? Ну разве лишь заняться обучением таких же придурков, да только где их столько найдешь, чтобы обеспечить себя стабильным куском хлеба?

Спиря с младых ногтей (его же, Спири, выражение) жил по соседству с Ксанкой, учился с нею в одной гимназии и, как сразу понял Кирилл, был давно в нее влюблен. Ксанка же относилась к нему, как к мебели – есть не просит, да и полезен иногда. Когда, к примеру, хочется погулять на вечеринке, а морды охранников уже обрыдли. В таких случаях Ксанка договаривалась с охранниками, и тех заменял Артем Спиридонов...

Кирилл, правда, не верил, что охранники отпускали на вечеринку хозяйскую дочку в сопровождении щуплого Спири. Наверняка, вертелись где-нибудь поблизости, а то что в поле зрения не попадались, так мало ли способов замаскироваться, чтобы не мозолить клиенту глаза?!

В общем, все эти гулянки-вечеринки-провожалки привели в конечном итоге к тому, что Спиря жизни себе не представлял без Ксанки. И когда она ни с того ни с сего решила податься на военную службу, Артем Спиридонов то-

же отправился на медицинскую комиссию. Здоровье у него, несмотря на некоторую щупловатость (росту в нем было всего два метра), оказалось абсолютно без изъянов – что называется, железное. Да и Ксанку – хотя она была самым старшим ребенком, а старшие дети часто бывают болезненными – родители тоже вырастили крепкой. Впрочем, богатым по воспитательным планам растить не трудно, это у бедных все идет самотеком. Хотя крепкие дети, кстати, тоже вырастают. Впрочем, тут нет прямой зависимости: даже у алкашей порой рождаются нормальные дети – природа мать жестокая, но чудная...

Кириллу было непонятно другое – почему родители отпустили дочку на военную службу? Об этом ни Ксанка ни Спирия никогда не рассказывали. Впрочем, бывают же семьи, где с уважением относятся к решениям подрастающих детей. А с другой стороны, бывают дети, которым после принятого решения никакие родители уже не указ.

Как бы то ни было, а госпожа Заиченкова и господин Спиридонов, пройдя врачебную комиссию, подписали контракт с Галактическим Корпусом, поднялись на борт трансплана «Райская Птица» и отправились на Марс, в учебный лагерь № 4, руководимый полковником Сергеем Лёдовым и, к их немалому удивлению, называемый в просторечье «Ледовым раем», одним из тех, где офицеры в течение четырех месяцев проводят контрактников по цепочке «безмундирник – курсант – галакт». Эти «райские» совпадения Артем посчи-

тал за счастливые, а Ксанка попросту отмахнулась – она привыкла сама строить свое счастье...

Здесь, в лагере, они и познакомились с приютским крысенышем Кириллом Кентариновым. Познакомились случайно, но часто из таких случайных знакомств, происходящих во время стояния в очереди на оформление документов и выдачу курсантского обмундирования, получается весьма крепкая дружба.

– Мы – отпрыски богатеньких буратин, – сказал при знакомстве Спиря.

Отпрыски богатеньких буратин оказались вполне нормальными людьми, не смотрели на Кирилла с презрением и не разговаривали с ним через губу, а что еще нужно молодому человеку, чтобы почувствовать симпатию к новым знакомцам?..

Правда, через пару недель выяснилось, что Ксанка, похоже, испытывает к новому приятелю нечто большее, чем симпатию, но Кирилл не использовал ее чувство в... скажем так, личных целях... и потому, даже если Спиря и стал к нему относиться с ревностью, поводов для этой ревности не было. Судя по всему, поведение Кирилла просто поражало Спирю – сам-то он лишь мечтал оказаться на месте нового друга. Он бы еще больше он поразился, если бы узнал, что Кирилл сам хотел бы оказаться на его, Спирином, месте. А Кирилл был бы не прочь, потому что, кроме Ксанки, во взводе были и другие курсантки. К примеру, ефрейтор Сандра Каб-

лукова, которая произвела на него неизгладимое впечатление. Удивительное дело, все присущее женскому полу у нее имело крупногабаритные размеры, как у приютской повари-хи Родионовны, но от этого не становилось противным (как у Родионовны) и даже наоборот – Кирилл не раз видел себя во сне спящим не на подушке, а на Сандриных буферах. А когда опытный психолог-деляга прапор Оженков намекнул ему, что в лагере можно, если желаешь, развлечься и без девочек, и Кирилл воспользовался необычными способами сексуального удовлетворения, ему было жаль, что приобретаемые у прапора «шайбы» не показывают Сандру.

Днем же он лишь исподтишка осмеливался любоваться Сандриными изгибами, да и то недолго, потому что метелка быстро ощущала его взгляд, внезапно оборачивалась, и приходилось отводить глаза и делать вид, будто рассматриваешь гигантскую пропагандистскую триконку, висящую над штабом.

Не выучил, понимаешь, еще девять заповедей курсанта, придурок!

Показать же Сандре, что его к ней тянет, Кирилл попросту боялся.

В чем именно главное отличие обрезков от метелок, Кирилл узнал достаточно рано. То есть, в то время, конечно, он назывался вовсе не обрезком, а мальчиком. Милка же Рубиловская была, разумеется, не метелкой, а девочкой. Обычно об отличиях узнают либо дома, либо на улице. Приют был одновременно и домом и улицей...

Как-то они с Милкой забрались в пустой класс и, обмирая от страха и какого-то непонятного удовольствия, показали друг другу содержимое трусиков. Через две минуты за этим занятием их застукала Мама Ната, и Кирилл был немедленно препровожден в Темный Угол. Каким образом воспитательница наказала Милку, он так и не узнал: та почему-то не захотела потом рассказывать. После Мама Ната поговорила и с Кирюшей. Оказалось, показывать друг другу – это очень плохо. Некрасиво и опасно. От этого можно заболеть, заруби себе на носу! От этого синеет и отваливается, и нечем будет писать. И придется совсем не пить лимонада или пепси-колы. Совсем-совсем-совсем!.. «А у Милки, значит уже поси-нело и отвалилось?» – спросил Кирилл, помня, что не нашел там того, чего ожидал, а нашел, наоборот, совсем неожиданное. И Мама Ната, в свою очередь, не нашла ответа на Киркин вопрос. Лишь заметила, что подобные вопросы задают совсем нехорошие мальчишки и в очередной раз отправила

воспитанника в Темный Угол.

После этого Кирилл с Милкой, прячась вдвоем, стали держать ушки на макушке, и воспитательницам ни разу не удалось поймать их. Довольно быстро Кирилл узнал, что у Милки вовсе ничего не синело и не отваливалось, а просто всегда было устроено по-другому. Получалось, что Мама Ната солгала, и Кирилл в первый раз понял, что взрослые тоже могут врать...

А потом прятки вдвоем сами собой прекратились, потому что у Милки обнаружилась настоящая мать – не Мама Ната и не Стерва Зина! – и девочка покинула приют, одарив Кирилла одновременно радостным и грустным взглядом. Другие же девчонки вовсе не стремились играть с Кириллом в подобные игры, а наоборот, сразу бежали ябедничать...

Через несколько лет, когда Кирилл уже вырос, Стерва Зина как-то позвала его в свой кабинет, посмотрела странным взглядом и задрала выше бедер подол белого халата, под которым ничего не было – лишь пухлое тело, курчавые черные волосы и странная розовая плоть, прячущаяся под ними.

– Ну? – сказала она опешившему Кириллу. – Что стоишь, как столб, крысеныш? Показывай, что умеешь!

И поскольку сразу выяснилось, что тот ничего не умеет, Стерва Зина взяла воспитанника за запястья и принялась учить. Это был самый интересный урок за все то время, которое Кирилл провел в приюте, урок, закончившийся тем, что оказалось много приятнее самых приятных снов...

А еще через некоторое время была Ритка Пospelова и полный облом, ибо с Риткой все было по-другому. И приступ растерянности, когда Ритка заявила: «Правильно говорит Мартышка. Ты еще салабон с висючкой! Вот у него как деревья!»

С тех пор, едва Кириллу светило остаться наедине с метелкой, у него будто синело и отваливалось. Он тут же начал бояться – жутко, панически – и стремился сменить курс на обратный.

А Петьку-Мартышку он бил смертным боем – теперь уже за «салабона с висючкой». И поскольку в Темный Угол дилду Кента было уже не поставить, воспитательницы отправляли его в карцер, на хлеб и воду.

Ритка, похоже, растрепалась всем и каждому, потому что вскоре Кирилл начал ловить на себе взгляды других девчонок: у одних – насмешливые, у других – жалостливые. Впрочем, последних было всего двое-трое, и все – откровенные крокодилы. Разве без хвоста и зеленой кожи...

Эти взгляды были еще одной причиной, хоть и не главной, почему он пошел в Галактический Корпус. Прочь с Земли, подальше от тех, кто его знал, от тех, кто был свидетелем его позора. Иначе, рано или поздно, он убил бы Ритку Пospelову и закончил свои дни на каторге. За умышленное убийство, как известно, дают пожизненный срок и отправляют на язонитовые рудники, чтобы срок этот не длился слишком долго.

Став же бойцом ГК, посчитал Кирилл, он всем докажет,

кто тут салабон! А в первую очередь – самому себе...

И вот теперь, когда ефрейтор Сандра Каблукова напрямую заявила Кириллу, что готова с ним «помыться в душе», к парню вернулись былые опасения и, казалось бы, забытые страхи, о которых, как ему стало сейчас понятно, он попросту старался не думать. Но теперь с ними снова надо было бороться. Пока день шел своим чередом, бороться было несложно. Обед, занятия, ужин, вместо личного времени – обещанный Догом наряд вне очереди. Его дерьмочество и в самом деле нагроулило курсанта Кентаринова подновлением пропагандистских триконок. В такой ситуации вывесить очередную «гмыровиршу» было бы проще всего. Ведь операционная система лагеря в это время частично открыта для курсанта в режиме активного воздействия. Но и поймать сочинителя будет проще простого.

Поэтому Кирилл решил не спешить и создать триконку во время занятий по тактике – там курсанты используют пароли, которые Дог, с его «полтора извили...», никогда не взломать. Кирилл, изображая тяжкий труд, подновил триконки и убрал результаты воздействия силовых полей Периметра. Дог заскочил в операторскую, понаблюдал за выполнением наряда, молча порадовался «мучениям» курсанта. Потом смылся. Наверное, побежал стыковать ефрейтора Каблукову.

Во всяком случае, когда Кирилл пришел в казарму, Сандры там не оказалось. Вернулась она, как и вчера, к самому отбою, молча поулыбалась воспоминаниям (а может, грезам) и в сторону Кирилла даже не посмотрела.

Зато Ксанка долго пялилась из своей койки и опять пробудила в Кирилле извечный страх. И быть бы ночи жуткой и бессонной...

Однако Кирилл вспомнил слова Доктора Айболита, сказанные им как-то приютскому крысенышу: «Если не знаешь, как избавиться от страха, лучший способ борьбы с ним – начать думать о том, что интересуется тебя больше всего».

А что для обрезка может быть интереснее войны, ее причин, ее стратегии, ее вероятного исхода (после метелок, разумеется, но на этот вечер им места в мыслях не оставлено)?

Преподаватели давно уже объяснили курсантам: причина Вторжения – в растущей мощи земной цивилизации. Когда человечество вышло в Космос и обнаружило Марсианский Лик, оно, похоже, двигалось по пути, который был ему определен теми, кто царствует на просторах Галактики. Однако почему-то ксены отгородились от будущих соратников слоем вырожденного пространства, предоставив в распоряжение землян пространственный шар объемом в четыре с небольшим тысячи кубических парсеков. Причина возникновения Мешка неизвестна. Некоторые ученые считают, что ксенов пугает скорость, с которой развивается земная цивилизация. Это Ахиллес может вечно гнаться за черепахой

и никогда не догнать ее, а быстроразвивающаяся цивилизация всегда обойдет ту, что ползет по своей жизненной дорожке неторопясь... Другие видят причину в изначальной агрессивности человеческого рода, грозящей обитателям Галактики завоеванием и уничтожением. Третьи считают «ткань» Мешка очередным научным вызовом, брошенным человечеству – вот когда преодолеее, тогда и станет ясно, что вы созрели для Контакта. А пока, мол, посидите взаперти, поищите ключик, которым можно открыть замочек...

Короче говоря, хозяева галактических просторов, похоже, относятся к земному человечеству крайне настороженно. А в последнее время мы совершили что-то, послужившее причиной для открытых боевых действий.

И началось Вторжение.

Опять же сей факт объясняется по-разному.

Некоторые стратеги считают, что причина – приближение человечества к границам Мешка. Ведь – кто знает? – возможно, создание пространственных реактивных двигателей, генераторов гравитационных полей, старболов и обнулителей массы означает, что мы находимся на пороге прорыва за пределы Мешка. Вкупе с нашей агрессивностью, это не может не пугать ксенов – и пугает настолько, что они готовы начать полномасштабную войну, направленную если не на полное и окончательное уничтожение землян, то по крайней мере на явное сдерживание их экспансии в Галактику.

Предусмотрительность требует надеяться на лучшее, но

готовиться к худшему. Именно по этой причине Совет Безопасности вынужден принимать вполне определенные ответные меры. Они заключаются в увеличении численности Галактического Корпуса, в строительстве многочисленного флота боевых кораблей, которые способны сдерживать агрессию ксенов, если те вдруг перейдут к следующей стадии Вторжения – блокированию транспортных маршрутов внутри Мешка. Принимаются и другие меры. К счастью, мощь экономической системы человечества столь велика, что осуществление оборонных мероприятий не требует сверхусилий. Да и нерешительность врага, все активные действия которого пока ограничиваются засылкой монстров на пограничные планеты с заданием атаковать язонитовые рудники, позволяет вести подготовку в плановом порядке, без излишнего напряжения сил. Не случайно вся сфера развлечений и отдыха продолжает работать в привычном режиме, без ограничений и отмен...

Кстати, в сети встречались мнения, что сия сфера работает в привычном режиме по одной-единственной причине: никакого Вторжения и в помине нет. А есть гигантская мистификация, предпринятая военными с целью доказать, что они не зря кушают свой хлеб. Отыскали в архивах давно забытый, снятый еще в двадцать первом веке блокбастер, подновили, слегка подретушировали и запустили в средства массовой информации. Поэтому так мало информации об этой войне; поэтому на пограничные планеты, где

«идут бои», не пускают журналистов; поэтому немногие кадры, которые удалось увидеть общественности, так похожи на плохой космический боевик...

Впрочем, имели хождение и другие гипотезы.

К примеру, руководитель секты Судного дня со штаб-квартирой в Париже преподобный шевалье Натор Терми доказывал всем, что мир присутствует при начале Армагеддона и что пресловутые монстры суть ничто иное как восставшие из праха мертвые; что постепенно бои будут приближаться к Солнечной системе, а когда монстры появятся на Марсе и Земле, настанет пик битвы между силами Добра и Зла, и каждому придется определиться, на чьей стороне он станет сражаться. Впрочем, определиться каждый может намного раньше. Для этого надо всего лишь вступить в секту. Можно даже не участвовать в массовых молебнах – достаточно заплатить вступительный взнос, и вы тут же становитесь апологетом Добра и инсургентом против Зла...

Некоторые наиболее пессимистически настроенные философы и вовсе заявляли, что человечество – само по себе Вселенское Зло, что это раковая опухоль на теле Мироздания и что монстры суть защитная реакция космоса против человека...

Впрочем, Кирилл не слишком рвал сопло над тем, какая из гипотез верна. Он пошел в Галактический Корпус для того, чтобы стать мужчиной, и его не волновало, кем на самом деле являются монстры. Кем бы ни являлись, мы порвем их

(по выражению Спири), как Бобик – тряпку. А торчат над гипотезами пусть яйцеголовые – у них башни большие, круглые и лысые...

Курсантам же следует думать, как они будут воевать, как станут совершать подвиги и как их начнут награждать...

Заснул Кирилл с мыслями о награде.

И снова ему приснилась ефрейтор Сандра Каблукова, большая, теплая и мягкая... И он делал с нею то, что миллиарды сыновей Адама на протяжении тысячелетий делали с миллиардами дочерей Евы. И, к собственному его удивлению, все получилось. Так что проснулся он среди ночи от острой необходимости бежать в душ: сон оставил после себя вполне материальные следы.

Кирилл поднял голову, прислушался.

Вокруг сопели спящие курсанты. К их дыханию добавлялся негромкий шум работающих кондиционеров.

Кирилл на цыпочках прошел в санблок. Постоял под упругими струями теплой воды, сменил нательное и постельное белье. Лег на свежую простыню, умиротворенно зевнул. И снова заснул.

Теперь ему снились бои, подвиги и награды, и он, звонко чеканя уставное «Служу человечеству!», радовался, что не ошибся, избрав такую нужную людям профессию.

В последний год жизни в приюте Кирилл все еще не слишком задумывался о планах на будущее. И уж во всяком случае никоим образом не связывал их с Галактическим Корпусом. И потому, когда Доктор Айболит предложил приютскому крысенышу такой вариант, был весьма удивлен.

– Почему это вы, Сергей Николаевич, решили, что мне больше всего подходит военная служба, да еще в космосе?

Доктор, в свою очередь, тоже удивился, но причину его удивления Кирилл тогда не понял.

– Парень, а ты подумай! – Айболит встал из-за стола и прошел вперевалочку к двери и обратно. – Тебя ведь никто не ждет на этом празднике жизни. У тебя нет высокопоставленных родственников, напрочь отсутствуют нужные связи. Ты не владеешь собственностью, под которую можно получить ссуду, чтобы начать свое дело или оплатить курс обучения. Конечно, на черном рынке такой курс стоит гораздо дешевле, но у тебя и таких денег нет. К тому же, я бы тебе вообще не советовал пользоваться тем, чем торгуют на черном рынке.

– Почему? – спросил Кирилл, именно там тративший гроши, которые удавалось заработать во внешнетрудовые часы.

Игрушки и порношайбы на черном рынке были вполне качественными.

– Во-первых, учебные курсы с черного рынка, не подкрепленные практическими занятиями, малоэффективны. Во-вторых, ты не получишь документа о получении образования, а без документа тебя ждет работа исключительно на теневые структуры, и жизнь твоя рано или поздно закончится на рудниках пограничных миров. А в третьих, те, кто пользуется курсами с черного рынка, очень часто заканчивают шизофренией или эпилепсией.

Кирилл вздрогнул. Всего лишь третьего дня он видел, как на улице забился в конвульсиях прохожий, как его грузили в глайдер «скорой помощи».

«Беденький, – сказала стоявшая рядом женщина. – Эпилептик. Есть такая болезнь на свете, не смертельная, но серьезная...»

– Теперь оценим службу в Галактическом Корпусе, – продолжал Доктор Айболит. – Во-первых, бесплатная кормежка и вещевое довольствие. Во-вторых, бесплатное обучение профессии, которая пригодится на гражданке. В-третьих, карьера, которая ничем не хуже любой другой. А в-четвертых, пожизненная пенсия в случае ранения.

– Но ведь мы ни с кем не воюем! – возразил Кирилл.

– Имелась бы армия, а с кем воевать – найдется, – сказал Айболит. – Это во-первых. А во-вторых, уже воюем.

– Вы думаете... эти монстры... эти животные...

– Да, думаю. И не только я! Иначе бы Галактический Корпус не увеличил набор курсантов так резко.

В тот раз Айболит крысеныша не убедил. Кирилл спал и видел, как при помощи знакомых парней с черного рынка станет хакером. Вот работенка так работенка!.. Выполнил задание пахана – и сам себе хозяин. Пахан бабки платит немалые, да и сам в сети можешь наскрести информацию, которую с руками оторвут. Могут, правда, и с головой, но тут уж дело такое... Смотри, с кем связываешься, и заранее готовь пути отступления!..

Позже Кирилл сообразил, что Доктор Айболит знал или догадывался, в какую сторону поглядывает воспитанник. Состоялось еще несколько разговоров о планах на будущее. Кирилл по-прежнему сопротивлялся. Позже, уйдя из приюта во взрослую жизнь, он добился своего – начал работать на питерского хакера, известного в сети под ником Масса. Но судьба, в конце концов, повернулась так, что Кириллу пришлось согласиться с Айболитом. И доктор оказался прав: Галактический Корпус – это далеко не самый худший вариант для приютского крысеныша. В особенности, если рядом с тобой служат дети богатеньких буратин. Тут поневоле задумаешься над правильностью выбора. И поймешь, что не ошибся.

Уже оказавшись на Марсе, Кирилл получил от Айболита послание.

«Здравия желаю, курсант! – говорила триконка. – Рад, что ты двинулся в жизненный путь по верной дороге. Я ведь тоже прошел через армейскую школу. И нисколько не жалею об

этом. Она и самодисциплине научит, и образование даст. Так держать! Удачи!»

Кирилл так и держал, несмотря на все придирки Дога. А Его дерьмочеству отвечал периодически вывешиваемыми триконками, изображающими «гмыровирши».

Утро началось как обычно.

Курсантов разбудили звуки горна.

Спиря как-то рассказывал, что на мелодию побудки в старину были положены следующие слова:

Вставай, вставай,
Брючишки надевай,
Сапоги натягивай,
Иди на лай.

Лаем, якобы, в те времена называли утреннюю поверку.

Кирилл не очень в это верил. Такие слова мог сочинить только человек, который армейские порядки не любил до си-ней кормы. К тому же, предположить, что утро в подразделении начиналось сразу с поверки... Что же за бойцы могли служить в армии, если первым делом требовалось проверить, не удрали ли они за ночь из расположения части?

В «Ледовом раю» утро начиналось с разминочного кросса и последующей зарядки. Маршрут кросса на лагерном стадионе был настолько изученным, что даже не требовалось смотреть под ноги. И на поворотах Кирилл поглядывал на бегущую впереди взвода Сандру Каблукову, наблюдал, как грациозно сокращаются на бедрах рельефные мыш-

цы, как прыгают внутри тельника буфера. Сегодня Сандра вовсе не казалась ему громилышей. Это была просто излишне здоровенная метелка. Наверное, дочь крупноформатных родителей... Если отвлечься от килограммов и сантиметров, она была даже красива: карие глаза; прямой нос; небольшие, прижатые к черепу ушки; длинная шея, переходящая в покатые плечи; узкая, по сравнению с бюстом и бедрами, талия. Одним словом, все гармонично, просто гармония эта несколько отлична от гармонии женского тела обычных размеров...

После зарядки Кирилл вдруг пришел в неплохое расположение духа. Он даже подмигнул Ксанке, когда та, по обыкновению, вперилась в него пристально-выжидательным взором. И метелка расцвела. А вслед за нею запылал маковым цветом Спирия, похоже, решивший, что именно он и является причиной ее хорошего настроения.

И даже Дог на утреннем разводе был какой-то иной. То ли его умиротворило отсутствие сегодня «гмыровиршей», то ли Сандра вечером выпила из него все жизненные соки, но обошлось без нарядов вне очереди.

И учеба нынче катила без напряжения. Не было привычного раздражения на тормознутость Витьки Перевалова, не способного своими мозгами допереть, как малыми силами захватить господствующую над местностью высотку (а всего-то надо было вызвать на подмогу глайдер с бластером дальнего боя и системой высокоточного наведения). Кирилл

даже сумел ему незаметно подсказать.

В перерыве тормозилло Витька спросил:

– Кент, ты не втрескался, случаем, в какую-нибудь метлу?

– Нет, – ошалело ответил удивленный Кирилл, которому впервые задавали такой вопрос. – С чего ты взял?

– Да от тебя обычно подсказки не дожدهшься, такой ты правильный... И сияешь сегодня, как начищенная пряжка...

Умываясь перед обедом, Кирилл посмотрел на себя в зеркало. Никакого сияния он не заметил. Обрезок как обрезок... Волосы бобриком. Губы бантиком. Зубы белым заборчиком. Разве что розовый прыщик на носу вскочил... Выдавим!

– Ты никак на Громильшу стойку делаешь? – шепотом спросил расположившийся у соседней раковины Спирия.

– Чего? – не понял Кирилл.

– Никак, говорю, кол на ефрейторшу точишь? – перевел на современный русский Спирия.

Кирилл предпочел отмолчаться. Хотя если уж Спирия заметил, то не заметить мог только слепой.

Сама Сандра пару раз перехватывала его взгляд. Отвечала понимающим кивком. В дверях умывалки подошла на секунду. Шепнула:

– Это был твой сигнальный свист?

«А почему бы и нет?» – подумал Кирилл.

– Да... Ты не прочь?

– С тобой я всегда не прочь. – Сандра подмигнула. – Через

час после отбоя. Когда все уgomонятся.

«А если тебя опять вызовет Дог?» – хотел спросить Кирилл. Но не спросил, – побоялся, что ефрейторша скажет правду.

И весь обед размышлял над этой правдой – над тем, как к ней относиться в душе и как реагировать на людях. Но сколько не рвал сопло – так и не решил: любой вариант казался неправильным, нелогичным. В конце концов прав у него на Громильшу не было...

Спиря с Ксанкой пытались втянуть его в разговор. Но потом отстали.

Когда допили компот, Ксанка сказала Спире:

– Иди, Артем, подыши воздухом!

Тот хотел, похоже, заартачиться, но Ксанка так на него взглянула, что обрезка будто ветром сдуло.

– Что с тобой? – спросила она, когда Спиря отвалил.

– А что со мной? – удивился Кирилл.

– Ты сегодня странный. Будто... будто... будто... – Она не находила слова.

Кирилл не стал ей помогать в затянувшихся поисках.

– Все в зените, Ксанка! – отрезал он.

И ей оставалось только поверить. Или сделать вид, будто поверила.

После обеда взвод, которым командовал прапорщик Оженков, согласно учебному плану занимался тактикой огневого контакта, и потому прапор повел своих подчиненных

в здание имитаторного класса.

Здание было одноэтажное, круглое, сбоку к нему был пристроен входной тамбур со стандартной металлической дверью, покрашенной в защитный цвет. Над плоской крышей висела пропагандистская видеоформа – бравый боец Галактического Корпуса поражал лучом из трибэшника голенастую уродину, отдаленно смахивающую на земного богомола. Физиономию бойца переполняла гордость за дело своих рук. Картинку сопровождала фраза «Остановим ксенов на границах человеческой Вселенной!» Гениальнее не придумаешь...

Сам имитатор представлял собой цилиндр диаметром около шести метров, расположенный в центре круглого помещения.

Упражнение проходили поотделенно.

Инструктор, низенький капрал с бульдожьим лицом и красным носярой-рубильником, поколдовал возле расположенного у дверей пульта, и из недр имитатора выдвинулись двенадцать – по числу курсантов в отделении – карафлюновых кресел с высокими гизолитовыми спинками и широкими металлическими подлокотниками.

– Отделение, слушай сюда! – гаркнул прапор. – Равняйся! Смир-р-на-а! Упражнение начать!

Курсанты разлетелись по местам. Справа от Кирилла оказалась Ксанка, еще дальше Артем, слева – Громильша. Кирилл многозначительно подмигнул ей. Сандра с фальшивым

удивлением распахнула глаза, не сдержалась и тоже подмигнула. Кирилл опять представил ее обнаженной и отметил про себя, что на этот раз возникшая в воображении картинка вызвала у него содрогание совсем другого толка... Впрочем, не будем забывать, что вчера он откровенно себе врал..

По учебному плану занятие было посвящено индивидуальной тактике, и не имело никакого значения, кто у тебя на имитаторе в соседях. Впрочем, если бы изучалась тактика взводных действий, тоже бы не имело. Вот работа в парах – это другое дело. Там со своей парой лучше рядом не сидеть, у некоторых появляются паразитные наводки, способные сломать все упражнение...

– Ноги вместе, руки на подлокотники, раскрытыми ладонями вниз! – скомандовал инструктор.

Курсанты выполнили приказ.

С тихим шорохом сработали ножные и ручные захваты, обездвижив конечности. Затем сработали захваты талии и шеи. Последними стали опускаться шлемы. Из задних стенок кресел выдвинулись лайны, вошли в штеки, расположенные над ушами.

Через мгновение зал имитатора пропал, в глазах потемнело, все звуки исчезли, осталось лишь тихое, на грани слышимости, шуршание. А потом перед глазами Кирилла возникла сетка прицела.

И курсанты оказались за пределами Марса.

Загружалось раннее утро.

То ли на Дельте Павлина-III, то ли на Бете Волос Вероники-IV, то ли еще на какой-то из землеподобных планет, расположенных внутри Мешка. От самой Земли их отличало только одно: на старушке люди жили спокойно, а на этих каменных шарах, несмотря на всю их землеподобность, с некоторых пор спокойствием и не пахло.

Первое, что нужно было сделать, – изменить восприятие. Здесь требовались определенные усилия. Одно дело – видеть то, что у тебя перед глазами, и совсем другое – обозревать целую полусферу: спереди, справа, сзади, слева, сверху. Да и низ не мешало бы контролировать, из-под поросшей травой почвы тоже иногда способен вылезти кое-кто не слишком дружелюбный...

Изменить восприятие – не руку с трибэшником поднять. Посложнее работенка. Поначалу как бы слепнешь, и это самый опасный момент. Однако в первые минуты боец находится под защитой тех, кто еще не выбрался из десантного глайдера. Это в реальности. А здесь, в имитаторном классе, просто нечего бояться, основная часть упражнения еще не началась. Однако привыкать бояться надо уже в имитаторном классе. Во всяком случае, инструктор именно так утверждает. Целее будете, дамы и господа, кол вам в дюзу...

Кирилл сделал ментальное усилие, и краски вокруг поблекли. Этаким почти черно-белый мир... Зато начинаешь замечать любое движение, даже самое мельчайшее. Впрочем, в реальном бою бойцу помогает персональный тактический прибор, с ним будет проще.

Пока вокруг шебаршилась мелочь пузатая, обитатели самой планеты, которых в планетной реальности не существовало, но которые могли бы существовать, если бы Единому не пришлось в голову оставить этот шарик без биосферы. Видимо, программисты стремились ужесточить курсанту условия боя...

Местное светило висело низко на юго-востоке, но чтобы найти его, приходилось приложить определенное усилие – ведь это оранжевое солнце, как и на Земле, в скоростных координатах схваток было практически неподвижно.

Кирилл искал и старбол, но тщетно. Видимо, без этого солнечного помощничка сегодня решили обойтись. Что ж, нам будет только попроще...

Справа, в зарослях, напоминающих кусты боярышника, странно шевельнулась листва. Правая рука самостоятельно (спецы говорят «инстинктивно») дернулась в ту сторону, мгновенно переместилась сетка прицела. Выстрел... Голубая молния вонзилась в заросли.

Донесся тоскливый, быстро затихший рев...

В западном секторе обзора загорелась цифра «один». Впрочем, Кирилл тут же перестал ее видеть, поскольку она

была неподвижна.

Зато сам он двинулся, медленно, осторожно, к северу.

Все окружающее тут же четко прорисовалось на фоне неба, но через мгновение-другое монотонность сделала видимое невидимым.

Однако не всё.

Прямо из густых зарослей, оставшихся за спиной, выросла пятиметровая туша, потянулась к лакомой фигурке корявой лапой.

Правая рука метнулась вверх, перегнулась через плечо, в сетке прицела возник бронированный лоб, через мгновение развороченный голубой молнией. Ноги солдата выполнили свою боевую задачу, унеся Кирилла влево, а еще через мгновение туда, где он только что находился, завалился десяти-тонный труп.

Почва под ногами дрогнула.

И пошло-поехало.

Движение... рука... выстрел... ноги... Десять секунд передышки... Движение... рука... выстрел... ноги... Десять секунд передышки... Движение... рука... выстрел... новое движение... левая рука (дьявол, упражнение-то на обе руки!.. но второй трибэшник уже на месте)... выстрел... ноги... Пять секунд передышки... Два движения с разных сторон... правая и левая... два выстрела... ноги... Пять секунд передышки...

Снова и снова.

Опять и опять.

Три движения... три выстрела (третий – снова правой, успевшей переместиться)... ноги... Три секунды передышки.

А потом движения и выстрелы, руки и ноги слились едва ли не в единое целое. Голова в этом не участвовала – мысли бы просто не успели за изменениями окружающей обстановки.

Поэтому Кирилл мог спокойно восхищаться собственной работой. За три месяца обучения не всякий достигал подобных успехов. И сейчас вполне можно было на параллельном уровне заняться «полуторами извили...», живущими в голове Мити Гмыри!..

Кирилл прикинул подходящий путь, по которому надо будет выйти в операционную систему лагеря, чтобы не привлечь внимание капрала-инструктора. Много времени на создание триконки не потребуется, раз-два и готово...

Однако он явно переоценил свои способности.

Над головой уже нависла разверстая пасть, а руки еще работали с предыдущими целями, и посторонние мысли сделали их чуть более медленными, чем требовалось...

Руки не успели. И пасть сомкнулась. Но ощущение входящих в тело гигантских зубов не стало последним.

Оказалось, что вокруг темнота. Оказалось, что руки и ноги не могут больше шевельнуться, но Кирилл принялся воевать с собственным телом, пытаясь вскочить и убежать, и

вскоре выяснилось, что он не Кирилл Кентаринов, а кто-то другой, потому что Кирилл Кентаринов – парень достаточно сдержанный и никогда бы не стал вопить столь ужасным голосом, а этот тип вопил, вопил и вопил, дергался и дергался, пытаясь порвать стальные путы, схватившие руки, ноги, талию и потерянную шею, и, кажется, путы уже вот-вот не выдержат, но тут в правое бедро острым жалом впилась вылетевшая из зарослей гигантская пчела, и наступившая тьма избавила его от этого кошмара...

Роту на сегодняшнем утреннем разводе построили иначе, чем обычно. Курсанты образовали каре, в центре которого стояло Его дерьмочество. Было оно непривычно радостным и торжественным.

– Курсант Кентаринов!

– Я!

– Выйти из строя!

– Есть!

Кирилл, оттягивая носок, прочеканил по плацу целых четыре шага, когда до него вдруг дошло, что он не знает к какой стороне каре повернуться лицом. И едва не споткнулся. Замер на мгновение. Вот ведь гадина! Нет бы дать команду «Ко мне»...

Однако времени на долгие размышления не было: Догждать не станет. В любом случае засветит наряд вне очереди... Поэтому Кирилл остановился прямо перед капралом.

– Рота, смирно! – рявкнул тот.

По каре прошел шорох привычных движений.

– За проявленные мужество и героизм в бою с врагом объявляю курсанту Кентаринову благодарность!

Кирилл опешил.

– Ну же, курсант? Как нужно отвечать по уставу?

– Служу человечеству! – рявкнул пришедший в себя Ки-

рилл.

И обнаружил на месте Гмыри белую стену.

Моргнул. Раз, два... И понял: не стена перед ним – потолок. А сам он пребывает в лежащем положении.

Где-то в отдалении негромко и переливчато звякнуло.

Кирилл попытался шевельнуться, но не смог: руки, ноги, талию и шею кто-то держал. Тогда он попытался двинуть глазами яблоками. И тоже не смог. Кажется, глаза его не слушались. Полежал немного, собрал все силы и попробовал снова.

На этот раз получилось. В поле зрения находилось немного, но и этого хватало, чтобы понять – он на больничной койке. Наверное, Стерва Зина отправила в лазарет, к Доктору Айболиту. Или Мама Ната... Но что же произошло?

Поблизости послышались быстрые шаги. Где-то прошестело, и в поле зрения появилось миловидное личико. Девичье. Или нет... как там... метелкино?... Ага, метелкино! Вздернутый носик, алые губки, кудрявые рыжие волосы, прикрытые белой шапочкой...

Ничего себе, Доктор!.. И вообще, с каких это пор в приюте завелись медсестры?

– Где Айболит? – прошептал Кирилл.

Алые губки разжались.

– Ничего, больной, поболит и пройдет...

«Она поняла только «болит», – сообразил Кирилл. – Что такое у меня с голосом?»

Медсестра исчезла из поля зрения. Послышалось легкое гудение, и в мозгах Кирилла словно ветерком подуло. Потом он почувствовал, как получили свободу ноги, руки, талия и, наконец, шея.

– Айболит где?

Медсестра вновь наклонилась над Кириллом. На этот раз она расслышала сказанное.

– Айболит?.. Профессор вас уже осмотрел. Все будет в порядке.

– Профессор?.. Разве я не в приюте?

– Вы находитесь в госпитале тренировочного лагеря номер четыре Галактического Корпуса.

Голова была словно чужая.

Кирилл поднял руку, коснулся лба, затылка, правого уха. Все вроде на месте... Потом пальцы коснулись металлической блямбы, присосавшейся к правому штеку.

И тут он все вспомнил.

Дьявол, его же чуть не сожрали. То есть очень даже сожрали – хоть и виртуально, но скусили башню напрочь. Будто виноградину с кисти...

– Что со мной?

– Теперь с вами все в полном порядке.

Кирилл попробовал повернуть голову направо. Получилось... И налево – тоже. Осмотрелся.

Да, самая обычная больничная палата. Небольшая, с белыми стенами и уймой аппаратуры в изголовье кровати. И

с медсестрой-кнопкой, невысокой, полненькой, в коротком белом халатике.

Все ясно. Он в койке реаниматора. Потому и пошевелиться не мог – был пристегнут. Вернее – пришпилен...

– С вами все в порядке, – повторила кнопка. – Курс лечения уже закончен. Сегодня еще полежите, а завтра утром выпишем.

– Сколько же он продолжался, этот курс лечения?

– Три дня. Такие травмы, как у вас, лечатся быстро.

Ее энтузиазм показался Кириллу фальшивым.

Человеку виртуально отхватили голову. Насколько известно каждому курсанту, травмы подобного рода иногда лечатся всю жизнь. И чаще всего до конца не вылечиваются. Впрочем, с энтузиазмом сестрички все как раз ясно: она не должна волновать больного. Такая у нее работа...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.